

Елена Пеньковская

Голубая лилия

Елена Пеньковская

Голубая лилия

<https://litres.ru/55161694>

SelfPub; 2026

Аннотация

Древняя история об эльфах, давно забытая людьми, вновь оживёт... Юной знахарке Лилии предстоит пережить нечеловеческую жестокость и предательство, узнать настоящую дружбу, и выяснить, в чём заключена чудовищная тайна эльфийского народа. Девушку и её друзей ждут тяжёлые испытания. Справятся ли герои с ними? И что в конце концов станет истинным смыслом жизни?

Содержание

Лилия	5
1	5
2	9
3	14
4	23
5	26
6	28
7	30
8	37
9	40
10	42
11	48
12	54
13	55
14	57
15	60
Лес	62
1	62
2	63
3	67
4	69
5	70
6	73

7	79
8	86
9	90
10	104
11	108
12	111
13	112
14	114
15	116
16	131
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Елена Пеньковская

Голубая лилия

Лилия

1

Как часто случается, самые необыкновенные истории начинаются в самых обыкновенных местах. И эта – не исключение.

Итак, все началось в небольшой деревне, одной из тех, в которых все знают друг о друге абсолютно всё. Но, в отличие от многих подобных поселений, жители совсем не благоволили друг другу. Каждое семейство особняком стояло от других. Никогда нельзя было увидеть совместных работ на полях или, скажем, соседа, помогающего другому выправлять покосившиеся надворные постройки. Помощи здесь никто никому не оказывал, да и не просил. Боялся ли каждый быть обманутым или сильнейшая человеческая глупость играла роль, но все сами собой, без причины, как по негласному уговору, стали друг другу врагами.

К несчастью, именно в такое общество попали люди, совершенно от него отличающиеся и к жизни в нем не приспособ-

собленные.

Два дома стояли на отшибе и выглядели очень древними. Но сказать, что они были не ухожены, – ни в коем случае! Небольшие хозяйства находились в полном порядке, а сами дома, судя по всему, регулярно правили. Из живности – несколько рыжих кур-несушек и такой же рыжий, статный петух. Прохожий, в любое время оказавшись возле дальнего дома, мог заметить (если, конечно, желал этого, что было редкостью) симпатичную белую кошку с красивыми изумрудными глазами. Она часто грелась на солнышке, лежа на крыше, или прохаживалась по забору. Но на зов кошечка бежала сразу, чем бы ни была увлечена. Её любимой хозяйке недавно исполнилось девятнадцать лет, выглядела девушка довольно просто, но прелестный юный возраст очень шел ей. Девушка была стройна, но не хрупка – силы в ней всегда оказывалось достаточно, чтобы легко справляться со всеми работами во дворе. Длинные волнистые русые волосы играли на солнце золотистыми блестками. Очень немногие знакомые всегда отмечали красивые, темные, цвета дубовой коры глаза. Действительно, оттененные длинными ресницами, они были глубоки и внимательны, только взгляд их всегда сквозил каким-то затаенным беспокойством. Девушку звали Лилия, или, как называла её иногда старушка-соседка, Лия.

Она жила одна. Так вышло, что родители Лилии погибли. Они были уважаемыми лекарями, но однажды в селении, где жила с родителями девочка, разразилась жестокая эпи-

демия. Заболевание опасное и непредсказуемое. Невидимый палач забирал с собой всех – детей, женщин, мужчин, стариков. Заболевший мог или выздороветь через несколько дней, или же умереть в жестоких мучениях, не дожив до утра. Все известные методы лечения не помогали. Травы, отвары, даже магические заговоры – ничто не способно было вылечить недуг. Как будто высшие силы учинили над этим местом страшную расправу за человеческую глупость и злость.

Люди боялись, люди страдали. Естественно, вся вина за происходящее легла черной тенью на единственных и в этот раз беспомощных врачей – семью Лилии. Это произошло почти шесть лет назад, девочка уже тогда перенимала родительский опыт и достаточно хорошо справлялась со знахарским ремеслом.

Когда эпидемия охватила все окрестные деревни, случилось страшное преступление, перевернувшее жизнь Лилии и бесповоротно её изменившее.

На пути в соседнее селение на лекарскую телегу напали неизвестные. Таким сильным было желание отомстить хоть кому-нибудь за все беды. Всегда пытались и пытаются люди найти виноватого в том, в чём невозможно найти таковых. И человеческая жестокость не знает преград, если они все-таки их находят.

Родителей Лилия похоронила на соседнем холме, под молодой рябиной.

Тогда же на попечение её взяла старушка по имени Реве-

ка, милая и добрая женщина с незаурядным умом. Пережившая многое за свою жизнь, она теперь спокойно доживала свой век.

Ревека еще при жизни родителей девушки была достаточно близким другом их семьи. Ни один праздник не обходился без ее участия, и виделись они практически каждый день. В детстве Лилия всегда думала, что Ревека – её родная бабушка. Не удивительно и то, что даже родители девушки часто в глубине души, а иногда и вслух, называли Ревеку «бабушкой».

Ревека и Лилия быстро стали друзьями и союзниками. Девушка помогала по хозяйству, успевая на обоих дворах.

– Если кто-то обидит, скажи мне. Я задам подлецу такого жару, что его родная мать в дом не пустит! – любила говорить старушка, действительно убедительно и весьма устрашающе помахивая ухватом.

Вдвоем им было очень хорошо. Зачастую они ночевали вместе, у кого-то в доме, не видя особого смысла разлучаться, и жили как семья. Ревека многому научила Лилию. Девушка продолжала заниматься родительским делом и теперь была единственной, к кому больные могли обратиться за помощью. Ей очень нравилось помогать людям, она любила знать многое и узнавать еще больше. Особенно увлеченно Лилия изучала травы, снадобья и даже искусство целительной магии, хотя к этому относилась с большим скептицизмом.

2

Чудесный майский день. Солнце глядит на мир с высоты кристально-голубого неба, и кажется, что всё вокруг, наполняясь его светом, приобретает новые краски. Яркая, изумрудная зелень деревьев и лугов ещё не запылена летним зноем. Над головой проплывают редкие белоснежные облака. У опушки леса уже всюю буйствуют первоцветы.

– Лия!

Ревека вышла на крыльцо. Они с Лилей собирались сегодня сходить за холмы, собрать трав. Сейчас самое лучшее время – многие из них растут уже около месяца и собрали в себе все соки, но не успели ещё раскрыться, растерять своих свойств.

–Лия, ты где? Нам пора! – Ревека оглядела двор, огород, подошла к забору и окинула взглядом поле. – Ну, и где мне тебя искать?

Лилия ушла куда-то ещё с утра, обещая вернуться к полудню. Старушка уже привыкла к тому, что девушка постоянно сбегает. Но она всегда возвращалась к обещанному времени...

– Ревека! Ревека! Смотри!

Лилия бежала со стороны своего двора.

– Лия! Вот ты где! Я уже звала тебя – нам пора идти, если хотим успеть до сумерек.

– Подожди, я сначала покажу тебе кое-что. Я только что была в сарае – помнишь, я говорила, что там стоит ящик? Он открывается! Ломом, конечно, пришлось, но не зря я его разворотила! Смотри!

Лилия, запылённая, с зацепившейся за косу щепкой остановилась перед Ревекой. В руках у неё был старый том, книга, обтянутая, кажется, изначально чёрной, но от времени посеревшей кожей.

– А я тебя ищу, ищу... О-о-о...

Ревека наконец внимательно посмотрела на находку, бросив попытки упрекнуть воспитанницу. Глаза её раскрылись в крайнем удивлении, она взяла книгу в руки.

– Надо же... – Ревека бережно перелистывала страницы.

Лилия подошла ближе.

– Это родительская книга, так ведь?

– Да-да, ты права, это она. Посмотри.

Они склонились над открытым томом. Бумага, в отличие от переплета, оказалась почти нетронутой временем. Листы цвета выбеленной кости были исписаны с обеих сторон. Лилия внимательнее вгляделась в написанное и увидела, что книгу писали два человека. Если быть точным, то...

– Это эльфийское наречие, – воскликнула Лия, указывая на строчки, – а вот папин почерк!

Ревека, улыбнувшись, кивнула. На листе действительно были эльфийские письма, начертанные темно-зелёными чернилами. А под каждой строкой чёрным тянулся текст на

общем, человеческом языке.

– Я думала, книгу у твоих родителей забрали.

– Ты знала про неё?! – с удивлением воскликнула девушка. Хотя она привыкла к тому, что очень многое о своих родителях узнавала уже после их смерти.

– Я знала, что она должна быть у твоего отца, – ответила Ревека, – я всё расскажу тебе, но это очень важно, и рассказ может занять много времени. Быстрее занеси книгу в дом и спрячь под лестницей. Пока ещё не поздно, нам нужно сходить за травами.

Девушка не успела ничего возразить, как вдруг...

– Здра-а-авствуйте, птички!

Лилия вздрогнула и быстро повернулась на голос. К слову, он был противным, как и его хозяин. По тропке, идущей от деревни в сторону леса, шёл мужчина. Он был очень мощно, но грубо сложен. По бокам болтались огромные волосатые ручки. Лицо напоминало что-то среднее между бараном и древним человеком: широкий и выдающийся вперёд лоб и тяжёлая квадратная челюсть. Из-под бровей пристально смотрели глаза с желтоватыми белками. Это был деревенский кожевник, единственный, пожалуй, из всех обладавший острым умом. Он же был из тех людей, кого стоило бояться.

– А я иду с поля и думаю – дай-ка куропаток постреляю, – мужчина повёл плечом, на котором покачивался арбалет, – и к вам решил зайти.

Кожевенник ухмыльнулся и оглядел Лилию, скользнув взглядом по её талии. Ревека же смотрела на него, как смотрят на слизняков в своём огороде.

– А что вы тут посреди двора стоите, бездельничаете? – продолжал мужчина, медленно продвигаясь к калитке. – Все люди сейчас в лесу, прутья для корзинок заготавливают. Али дома сидят, прячутся от полуденного солнца...

– Какое тебе дело, кто что делает? – вдруг перебила его Ревека. – Иди себе, куда хотел, и избавь нас от своего общества!

– Ревека, не надо так, – тихо произнесла Лилия, не отрывая взгляда от мужчины. Голос у неё дрогнул – она боялась его. Девушка знала: разозлённый или пьяный, этот человек может сделать всё что угодно. В деревне все знают, что года три назад этот человек придушил свою спящую жену, когда пришёл из таверны. Ему не понравилось, что она его не встретила...

– Послушай девчонку, старуха, она дело говорит, – мужчина взялся массивной ладонью за калитку.

Всё это время девушка смотрела в глаза огромному человеку. Она старалась уловить малейшее его движение.

Кожевенник вдруг изобразил на лице ядовитую снисходительную улыбку. Через несколько секунд он отступил на дорогу.

– Из уважения к сегодняшней прекрасной погоде... и к древности этой кошёлки... – всё так же улыбаясь, добавил

кожевенник. Отвесив оскорбительный поклон, он отошёл от калитки и уже было шагнул дальше, к лесу, но вдруг снова остановился, посмотрел на них.

– Внимательней, птички. По деревне давно-о-о толки ходят. Все эти ваши травки, книжки... заговоры. – Кожевенник многозначительно улыбнулся Лилии. – Как бы не случился у вас, например... совершенно случайно... пожар или ещё чего, – мужчина бросил последний весёлый взгляд, поправил арбалет и наконец ушёл.

– Ладно, пойдём уже. Время потеряли, – Ревека продолжала презрительно смотреть вслед ушедшему.

Вечером они устроились за столом на кухне в доме Ревеки. Она обещала кое-что рассказать, и Лилия предполагала, что это «кое-что» крайне важно. Иначе волновалась бы Ребека, пока собиралась с мыслями? Наконец, после пяти минут молчания, растянувшихся до бесконечности, старушка начала говорить.

– Это произошло лет двадцать назад, когда твои мама и папа только приехали сюда и стали заниматься своим ремеслом. Уже тогда народ глупый и вздорный не мог принять людей, обладающих какими-то непонятными им талантами, пусть даже они спасали многим жизни. «Если не прибрали того, кого отметили недугом боги, значит, нечисть помешала им, значит, эти люди тёмные, если слушает их тёмная сила», – вот что говорили люди.

– Они и сейчас так говорят, – сказала Лилия, – я слышала на рынке, как у меня за спиной шептались девушки.

– Тёмный народ, дальше своего носа ничего не видит и своими птичьими мозгами ничего не соображает, – буркнула было Ребека, но, поймав на себе укоряющий взгляд Лили, добавила, – ну и не смотри на меня так! Ну да, допустим, они просто суеверные трусы... ну... ладно. Так, о чём я говорила?

Ах, ну так вот. Твой отец был необыкновенным. Искатель

приключений. Ему было интересно всё – дикие звери в лесу, деревья, травы, цветы. Он смотрел, как они живут. Изучал их особенности. Он любил мир, познавал его. Каждый раз он уходил всё дальше, пропадал всё дольше.

И вот однажды, когда сошёл снег, твой отец собрал котомку и ушёл, поручив мне смотреть за его женой, твоей матерью. Помню, он сказал мне: «Что-то зовёт меня дальше в леса, то, природу чего я не могу угадать. Но я уверен, оно играет большую роль. Знать бы ещё, плохую или хорошую».

Его не было, насколько я помню, около двух месяцев. Мы волновались, но всё же были уверены в том, что он не пропал в лесах. Ведь твой отец знал там всё. Мне иногда казалось, что даже животные его узнавали... ха, глупо, конечно... но, тем не менее, они никогда не трогали этого человека. Даже удивительно.

Он вернулся рано утром. Сколько было радости! Сам он изменился – помолодел, повеселел.

– Папа рассказал, где был?

– Лия, был бы твой отец твоим, если бы всё толком рассказал? – смеясь, ответила Ревека. – Но, конечно, он мало что говорил. У него была эта книга, которую видели только мы с твоей мамой. Он объяснил, что был у лесных эльфов. Один из них отдал ему книгу, а заодно преподал знание своего языка. Он же сказал твоему отцу, что у него скоро будет дочка.

– Я?

– Да, – кивнула Ревека, – а ещё он попросил дать девочке особенное имя...

Старушка многозначительно улыбнулась.

– Подожди-подожди! Ты сказала, что отец был у лесных эльфов?! Я думала, они давно ушли куда-то далеко...

– Откуда ты взяла это?

– Люди говорили, что...

– Люди могут говорить что угодно, – оборвала её Ревека, – лесные эльфы живут и хранят свои знания. Люди становятся всё хуже, всё невежественнее и из-за этого никак не могут встретить ни единорога, ни дракона, ни уж тем более эльфа. Неужели я зря тебе рассказывала про них?

– Я помню, бабушка... Просто это очень...

– Лилия, мир гораздо больше и загадочней, чем видит каждый из нас. В нём есть место чудесам и искренним чувствам. На них он и держится. Уйдут эльфы – умрёт мир. Наш король – один из немногих, кто понимает это.

– Ревека, а ты видела его?

– Кого?

– Короля Цивеона.

– Он правит уже пятьдесят лет, но, к сожалению, я не видела его. Серебряный город далеко, а я уже тогда была стара, чтобы прийти к Цивеону на поклон....

Ревека о чем-то задумалась. Снаружи давно наступила ночь, под крыльцом сонно квохтали куры.

– Ты знаешь...

– Что? Ревека?

Старушка помедлила с ответом, глядя куда-то перед собой. Потом она улыбнулась, подорвалась с места и кинулась к лестнице.

– Подожди! Упадёшь, она же старая!

– Давай за мной, поможешь!

– Что? Ладно... Подожди! – засмеялась Лилия, увидев, как старушка бойко взбирается по лестнице. Девушка взяла свечу и пошла за Ревекой.

Обе оказались в комнатке под крышей. Чердаком это можно было назвать с очень сильной натяжкой. Потолок очень низко висел над головой, так что Лилии приходилось почти вставать на четвереньки. Без крайней надобности сюда никогда не забирались – только если нужно было подправить крышу. «Надо бы обновить лестницу», – промелькнуло в голове у Лилии, пока она карабкалась за Ревекой.

– Ищи зелёный деревянный футляр. Он небольшой, размером с ладонь.

– Что там? – спросила Лилия, направившись в другой угол комнатки.

– Я почти забыла об этой вещице, – видимо, не расслышав девушку, сказала Ревека, отбрасывая старые доски, – но она точно где-то здесь!

– Вот! – Ревека, немного повозившись, выудила холщовый сверток. У старушки в руках оказалось что-то вроде маленькой плоской шкатулки. Краска на ней немного потрес-

калась. – Давай спустимся.

Лилия бросила тряпки и прочий мусор обратно в угол. Мельком оглядев чердачок, она подумала: «Выкину тут все» – и отправилась за Ревекой.

Внизу они вместе зажгли лампу и ещё пару свечей. Старушка села к столу. Она смотрела на футляр и осторожно поглаживала пальцами его крышку.

– Это отдал мне один странствующий художник, – тихо сказала Ревака.

Лилия села напротив и оглядела прямоугольную крышку. Пламя свечи отбрасывало тени и блики, которые играли на зелёной краске. На несколько мгновений девушке показалось, что это совсем не игра света – она увидела пляшущих на футляре коней, всадников с мечами и копьями. Они догоняли друг друга, сливались вместе и продолжали свой танец. Видение оборвал голос старушки.

– Однажды он проходил здесь. Кто знает, как его сюда занесло? Нужно было очень постараться, чтобы вообще обнаружить нашу деревню! – Ревака с Лилией усмехнулись. – На ночь он остановился у меня. Ох, и забавный был человек! Всё рассказывал мне про дальние края. Как цветут сады сирени к югу от Серебряного города, как ловят рыбу северные люди дальних морей, какие чудесные твари обитают в Хрустальном лесу. Показал часть своих картин. Они были прелестны, это точно... как будто живые.

Странник был в Серебряном городе во время коронации

Цивеона. Он рассказывал, как всё было. Великое множество людей на улицах – жителей города, ближайших деревень, приезжих из других мест. Белые и голубые цветы всюду – целое море! На главной площади и дворца было не протолкнуться. Насколько хватало взора, всюду люди, ожидавшие своего короля.

И они все увидели его. Тем же вечером, когда солнце бросало свои последние, самые яркие закатные лучи, открылись ворота дворца. И вышел король...

Ревека повернула футляр, который держала в ладони, и сняла крючок, что удерживал две его половинки вместе. Изнутри он был весь отделан нежно-голубой тканью, немного истёртой, а в углублении на одной стороне лежал полукруглый портрет в полный рост. Ревека аккуратно высвободила его из футляра и передала Лии.

Девушка увидела изображение поистине прекрасное. На портрете был мужчина, на вид лет тридцати, одетый в камзол, прекрасно подчеркивающий его статную и сильную фигуру. Чёрные кудри, обрамлявшие лицо, венчала серебряная корона с лепестками лотоса – такой знак находился и на всех гербах страны. Король был изображён спускающимся по ступеням дворцового крыльца. Поражала необычайная сложность и живость портрета. Художник запечатлел каждое мимолетное движение, лёгкий наклон головы, мягкую улыбку, мельчайший блеск серебряной короны, те самые голубые и белые цветы на перилах... Но больше всего поражал

взгляд короля. Он был наполнен живым блеском, отчетливо просматривалась его глубина. Казалось, что король вот-вот повернёт голову, поднимет глаза и улыбнётся каждому, кто бы ни держал этот портрет в руках.

– Он... прекрасен! – прошептала Лия, имея в виду и портрет, и короля... тем более что одно от другого, скорее всего, отличалось только сущностью.

– О, да, – согласилась Ревека, улыбаясь. – Цивеон прекрасен во всех отношениях, корона до сих пор не изменила его. Он всё так же чист и благодушен, справедлив и бескорыстен...

Ревека мечтательно умолкла.

– Почему ты так решила? – хитро прищурившись, спросила Лилия.

– Почему я так решила?! Да потому что я знаю! – с негодованием вскричала старушка, но заметив, что Лилия посмеивается, она шутливо пихнула её в бок. – А ты всё смеёшься над бедной старой женщиной, да?! Знаю я тебя, непослушная девчонка!

Пару минут Ревека и Лилия смеялись друг над другом, хотя постепенно их вниманием опять завладел чудный портрет.

– У каждого короля должна быть свита. У Цивеона она была особенной. Его сопровождали юноши в струящихся мантиях небесно-голубого цвета, капюшоны которых почти полностью скрывали их лица. Художник даже изобразил их,

правда, утверждал, что не смог добиться того ощущения, которое овладело им при одном только взгляде на свиту короля. И они пели. Пели так прекрасно, что, хотя никто не смог разобрать слов, каждый будто бы... чувствовал их. Юноша говорил, что пели они о свободе, счастье и мире, который будет лучше и светлее с новым королём. И пели о нём. И о каждом, кто был на площади, о каждом, кто внимал их пению.

– Эльфы!

– Да, это были они, вне всяких сомнений.

– Но Ревека, почему эльфы отделились от нас настолько, что их... — Лилия задумалась, как же закончить свой вопрос.

– Считают всего лишь воспоминанием, канувшей в небытие древностью?

Лилия кивнула.

– Эльфы мудры. Их знания, искусство, образ жизни – всё это они чтят превыше всего и готовы защищать ценой своих жизней. Такие уж это создания. А доверить все эти таинства людям, даже просто показать им что-то...

Ревека сложила портрет обратно в футляр и закрыла его. Была уже глубокая ночь, и вот-вот на востоке должно было показаться слабое зарево.

Старушка заговорила тихо, почти печально.

– Люди стали глупы и злы. Они забыли всё, чему их учили на заре их процветания, всё, что они сами добыли упорством

и трудами. Теперь в них лишь злоба и бессилие. Они ведут жалкую жизнь, рождаются и умирают без цели, без желаний, без смысла. Всё, что они могут, – лишь разрушать то. Даже если это приведёт и к их гибели – никто не понимает этого. Именно поэтому в жизни больше нет истинной магии. Нет истинных чувств. Даже тех, кто пытается возродить хоть что-то, часто ожидает поражение.

Больше они ни о чём не говорили. Посидев рядом ещё немного, потушили свечи и легли спать.

Проснувшись на следующее утро, Лилия обнаружила, что Ревека, судя по всему, давно на ногах. Бельё было аккуратно сложено на постели, куры на обоих дворах оказались сыты и разгуливали рядом с курятником, вполне довольные жизнью. Самой старушки нигде не было видно, что, впрочем, девушку ничуть не удивило, – Ревека часто уходила то в деревню на рынок, то в лес на сбор... Иногда она вообще просто пропадала, не говоря ни слова.

Так что Лилия не беспокоилась; тем более все её мысли занимал вчерашний полуночный разговор.

Девушка весь день провела в сарае на своём дворе, сортируя, промывая и развешивая для просушки собранные накануне травы. Очень много было сирени, жёлтой акации, барвинка и некоторых других.

Травосбор, древний ритуал... И самое важное занятие, которым Лилия и Ревека всегда занимались вместе.

Круглый год, часто по несколько дней и даже недель за сезон, они ходят в леса, за холмы, к берегам рек и топям болот. В середине лета ищут душистые травы, вроде горной белены, и собирают листья некоторых деревьев. Валериану и болотные растения заготавливают в начале осени. За плодами и кореньями (той же горечавки, например) ходят в октябре-ноябре.

Даже зимой, когда всё покрыто снегом и льдом, в лесу есть чем заняться, ведь некоторые растения, засыпая на время холодов, сохраняют всю свою силу в корнях. Раскопать их стоит немало труда. Некоторые виды мхов стоит снимать с камней и стволов лишь в самые лютые февральские морозы. С апреля начинается сбор первоцветов, особенно если весна выдалась ранней.

И так круг замыкается. Лилия успела пройти три цикла травосбора целиком и запомнила очень многое. Названия всех трав, все тропинки и дороги в самых отдаленных уголках той местности, среди которой приютилась их забытая всем миром деревня.

У Лилии сохранилась великолепная книга с иллюстрациями – импровизированный лекарский справочник, в котором было указано всё о всевозможных растительных богатствах. Кое-что в ней дописывал её отец, а несколько недостающих рисунков сделала она сама.

Словом, травничество всегда доставляло девушке удовольствие, приносило душевный покой. Правда, в этот раз за работой её беспрестанно преследовали мысли. Лилия думала о короле, об эльфах, о словах, что сказала ей Ревека, и о не свойственной ей встревоженности, наполнившей их.

Задумывалась девушка и о книге, которую обнаружила в старом сундуке.

Как случилось, что отец нашёл лесных эльфов? Вернее – почему они дали ему найти себя и даже передали часть сво-

его мастерства целителей? Но больше всего Лилию пугала мысль о том, что они предсказали ему рождение девочки и дали ей имя.

Хотя всё больше девушка убеждала себя, что это просто красивая история, когда-то рассказанная её отцом. У многих семей есть красивые легенды, но очень редко они бывают правдой.

Но что-то в ней противилось даже малой доле недоверия. В конце концов, эльфийская книга точно была реальной, хотя история, с ней связанная, и казалась невообразимой.

Лилия неотрывно работала до самого вечера. Вместе с ней в сарае была её любимица – та самая белая кошка с изумрудными глазами. Они сидела на верхних полках, наблюдая за хозяйкой, дремала на столе среди пучков трав, увязанных девушкой для сушки, умывалась возле корыта с водой и иногда переговаривалась с Лилией.

За эту редкую способность кошечки общаться девушка любила её еще больше. Нет, конечно, кошка не разговаривала на человеческом языке. Но у неё в арсенале было множество разных выразительных звуков – кошка умела даже рычать почище любого волка. Диалог выходил всегда интересный. Иногда Лилия рассказывала о том, что видела в деревне, и мохнатая собеседница отзывалась всегда по-разному. На рассказы об омерзительном кожевеннике кошка бил хвостом и скалила белые острые зубки. Могла даже пожалеть – наклонив голову, заглядывала в глаза и дотрагивалась мягкой лапкой до руки или лица. Такая забота со стороны кошки была удивительной и давно уже не воспринималась Лилией как простая игра животного с хозяином. Девушка чувствовала – она всё понимает.

Лилия закончила работу, когда уже стемнело. Она немного устала, но осталась довольна; после загнала кур и растопила у себя в доме печку – с заходом солнца заметно похо-

лодало.

Ревека не вернулась, и её отсутствие стало беспокоить девушку. Старушка даже не сказала, куда идет, но Лилия решила, что наутро отправится в деревню – вдруг кто-нибудь её видел.

Селение, в котором жили Лилия и Ревека, было маленьким, но вполне полноценным. Тут имелись трактир, широкая улица с рынком, упирающаяся в небольшую площадь, а на ней располагался дом деревенского головы.

Что можно сказать о нём, кроме того, что он был слегка глуповат? Ну, важно отметить его доброту. А добрый и глупый человек – это катастрофа. Самая настоящая. А если он ещё и труслив...

Именно таким и был деревенский голова. Он никому не мешал – его не трогали. Удобный человек.

Главным достоянием деревни была одна неприятная конструкция, располагавшаяся прямо по центру площади на деревянном помосте. Местные называли её «скамьёй мене-стреля». Лилия пару раз видела, как на неё сажали людей.

Перед низкой деревянной скамейкой, походившей на детскую, к деревянному помосту были прикручены большие ржавые колодки с отверстиями для рук, ног и головы. Отдалённо всё это напоминало перевёрнутые вертикально щипцы для колки орехов. Человек был вынужден сидеть, согнувшись, удерживаемый такой ловушкой. Всё тело очень скоро затекало и болело... А если народ был в хорошем расположении духа, в беднягу летели старые вонючие тряпки и иногда предметы потяжелее.

Это всегда было ужасно. Вспоминая об этой штуке на площади, девушка каждый раз морщилась.

До рынка Лилия добралась за пять минут – она торопилась, беспокоясь о Ревеке. К тому же дорога в деревню шла под уклоном. Несмотря на утреннее солнце, день, похоже, обещал быть дождливым – над лесом собирались тучи.

Обычно рыночная улица была забита народом. Не столько торговцами, сколько группками сплетничающих женщин, планирующими очередную попойку мужчинами и снующими туда-сюда детьми, оставшимися без присмотра. Однако сегодня улица опустела, как будто налетевший с утра пораньше вихрь унёс всех куда подальше. Лилии понравилась такая перспектива, но подойдя ближе, она услышала гул, доносящийся с площади.

Вот там собралось много народу – наверное, все, кто был на рынке, и те, кто живёт неподалёку. Девушка смогла заметить, что в центре, на том самом деревянном помосте, похоже, развернулась небольшая потасовка. Один из мужчин – торговец рыбой на рынке – громко разглагольствовал, возмущённо жестикулируя, но из-за гула Лилия не поняла ни слова.

Она подошла к двум женщинам, которые стояли тут же, на краю площади.

– Извините, вы не знаете, что здесь происходит?

Та, что была, на взгляд девушки, моложе, смерила её ску-

чающим взглядом.

– Да какого-то очередного бродягу повязали. За воровство, по-моему. Или нет? – женщина повернулась к своей товарке, и они обе неприятно расхохотались и больше, судя по всему, ничего путного сообщить не могли.

– Понятно, – вполголоса протянула Лилия.

Она уже собиралась развернуться и уйти. Что ей здесь делать? Смотреть на очередное безумие? Ревеку искать тут не имеет смысла.

Но что-то заставило её, перекинув сумку через плечо, начать пробираться сквозь толпу на площади. Чем ближе становился помост, тем отчетливее были слышны фразы, выкрикиваемые торговцем.

– Вор! Бездельник! Какое имеет право?! Я – честный человек!..

Картина была весьма прозаична.

Скамья менестреля называлась так не случайно. Иногда (в последнее время, конечно, очень редко) в деревне появлялись барды, менестрели, сказочники... С одним из них Лилия дружила, когда была маленькой. Почти всегда при них были небольшая арфа, лютня или даже какой-нибудь диковинный инструмент с необычным звучанием. И пели бродячие артисты всегда недурно.

Но люди – существа злобные.

Менестрели вместо похвалы или подаяния почти всегда получали лишь насмешки. А раз они не удовлетворяли люд-

ское желание зрелища своим талантом, то им приходилось становиться участниками другой забавы...

Несчастливого могли «по доброте душевной» отпустить через пару часов. Но чаще кто-то сердобольный освобождал пленника ночью, когда все расходились.

Однако человек, которого увидела Лилия, оказался не совсем похож на менестреля.

Точнее, совсем не похож.

На нём были простые льняные штаны чёрного цвета, заправленные в дорожные ботинки, тёмно-синяя куртка (рукав оторван, видимо, в начавшейся драке), подпоясанная ремнем. Небогатое, но аккуратное одеяние. Менестрели же всегда одевались нелепо – они не могли позволить себе купить одежду, поэтому в основном им отдавали её добрые люди, и они брали всё, что им предлагали.

Волосы бедолаги были затянуты тугим узлом на затылке, но несколько темных прядей спадали на лицо, которое поросло густой щетиной.

Это был мужчина средних лет, но Лилия не могла бы назвать его возраст точнее. В целом он производил впечатление человека сильного и не изнеженного – крепкие руки и загорелая кожа говорили о том, что труд ему не чужд.

Тем временем двое – седеющий крестьянин и кожевник, с которым недавно столкнулась девушка, – затащили незнакомца на помост и усадили на скамью. Лилию поразило то, что он не издавал ни звука: не ругался, не кричал и не

сетовал на своих учителей. Только глядел исподлобья, и в его невидящем взгляде не было злости. Девушке показалось, что она увидела в нем... разочарование?

Она с трудом подобралась к помосту. Мужчину заковали в колодки. Торговец рыбой продолжал разоряться, у него даже охрип голос.

– Назвал меня вором и мошенником! Меня! Честного человека! Проходимец! – потрясая кулаками и краснея от натуги, орал он.

Нужно заметить, что слово «проходимец» было самым... цензурным во всей его последующей тираде.

«Сочувствующие» товарищи, предвкушая очередное веселье, кричали и подбадривали его:

– Как он посмел!

– Негодяй!

– Проучи его, Берг!

Лилия вцепилась руками в ремень своей сумки. Отовсюду звучали оскорбления, смех и пьяный свист. Пленник по-прежнему сидел тихо, с каким-то странным спокойствием на лице. Почувствовав на себе её взгляд, он повернул голову и посмотрел ей в глаза.

У него они были тёмными. Даже темнее, чем у неё самой.

Тут же, совсем недалеко от его лица, о колодки ударились и шлепнулась на помост рыба голова. Раздался смех, и со всех сторон в несчастного полетели объедки и гнильё.

Лилия вздрогнула и отчаянно оглянулась в поисках хоть

какой-нибудь помощи. Это безумие. Его нужно остановить!

Она разглядела в толпе знакомую широкую фигуру деревенского головы. Вмиг протолкнулась к нему сквозь толпу и схватилась за его рукав.

– Вы должны их остановить! – стараясь перекрыть стоящий вокруг гомон, закричала она ему. – Это же варварство!

Голова испуганно выпучил на неё глаза.

– Как же я могу? – он смущённо развел руками. – Люди... они...

Теперь пришла очередь Лилии делать огромные глаза. Она смотрела на этого тучного человека, виновато и загнанно склонившего голову, и понимала – он и правда не может ничего сделать. Даже если и хочет. Ведь он добр, глуп и труслив.

Тем временем народ всё больше горячился. Обиженный торговец даже затеял игру – кто попадёт в голову пленника с пятнадцати шагов, получит лучшую рыбу тушку.

Предложение было принято с энтузиазмом.

Лилия смотрела на всё это и уже забыла, зачем пришла сюда, и не знала, что мешало ей уйти. Ведь и она не могла ничего сделать, учитывая азартно и недружелюбно настроенную толпу селян и её собственное среди них положение.

Раздался взрыв пьяного хохота. Кто-то бросил камень.

К счастью, точно в цель он не попал, но рассек мужчине бровь. Тот дёрнулся и поморщился от боли. Кровь сразу же залила лицо.

– Прекратите! – услышала Лилия свой крик.

Девушка не знала, о чём думала, и думала ли в этот момент вообще, но она вдруг оказалась на помосте между толпой и пленником.

Видимо, её выходка настолько всех удивила, что первые несколько секунд все обескураженно и изумленно молчали. Лилия успела взять себя в руки, когда вокруг начали доноситься новые крики:

– Глупая девчонка!

– Откуда выползла?!

– Это же ведьминское отродье!

Из толпы послышался тихий голос:

– Господа, прошу вас, успокойтесь, мы можем урегулировать конфликт спокойно...

Деревенский голова. В другой ситуации Лилия точно закатила бы глаза. Но, раз на то пошло, спасибо за попытку...

Она уже собиралась хоть что-нибудь сказать, как вдруг на помост взошёл полупьяный кожевенник.

– Ладно, народ! Что мы, звери, что ли?

Махнув рукой запротестовавшим было товарищам, он повернулся, подошёл вплотную к Лилии и, мерзко ухмыльнувшись, больно сжал её запястье.

– Я тебя предупреждал, помнишь? – наклонившись над самым ухом, прошипел мужчина.

Отпустив девушку и глядя ей в глаза, кожевенник одним движением расслабил тиски, освободив пленника под возму-

щённые возгласы на площади. Но ему никто не посмел помешать.

Внутри у Лилии всё сжалось, но она, стараясь не показывать страха, выдержала насмешливый взгляд и наклонилась к освобождённому.

– Вы можете идти? – шепнула она, беря его под руку.

Он кивнул, и девушка поспешила вместе с ним уйти с площади. Под взглядом кожевника люди пропустили их, над площадью повисло молчание, таящее в себе невысказанную угрозу.

Что на неё нашло, что она наделала? Столько лет она видела подобное, и ни разу ей и в голову не приходило протестовать – это было бесполезно, безрассудно и опасно, в конце концов! Интересно, что же теперь будет?..

Все эти мысли сплошным потоком пролетали у неё в голове, пока она тащила бывшего пленника подальше от площади по рыночной улице.

Рукав совершенно неожиданно освобожденного ею незнакомца был надорван на плече, кровь из раны над глазом испачкала светлую рубашку и залила глаз, так что он был вынужден держать его закрытым. Мужчина немного хромал, но в целом держался прямо. Лилия раздумывала, что нужно будет сделать с его раной, глядя на кровь на лице, когда он повернул голову, и их взгляды встретились.

Выражение лица у мужчины было... удивлённым! Не радостным по случаю освобождения, не печальным или страдальческим от едва не перенесённого издевательства.

Удивлённым!

От этого Лилии вдруг стало очень смешно. Она широко улыбнулась, отчего лицо мужчины ещё больше вытянулось. Он теперь выглядел так, как мог бы выглядеть фермер, обнаружив, что вместо куриц в гнёздах сидят чайки.

Однако через пару секунд мужчина фыркнул, и они оба

расхохотались.

Так они шли некоторое время, охваченные нервным смехом, как дети, чья безобидная выходка удалась не так, как они хотели, но даже лучше.

Стало пасмурно – тучи, что висели над лесом, теперь закрыли всё небо. Собирался затяжной дождь.

– А ты храбрая девушка.

– Я?!

Лилия от неожиданности даже остановилась. Мужчина кивнул:

– Ты.

– О, нет. Кто угодно, но только не я! – в сердцах воскликнула девушка.

Он рассмеялся. Голос у него был негромкий, но ясный, глубокий и спокойный.

Лилия смущённо отвернулась. Заметив это, мужчина перестал смеяться.

– Я очень благодарен тебе, правда.

Они шли молча, и только когда до её дома оставалось всего несколько метров, Лилия вдруг заговорила.

– Я на самом деле просто не знаю, как это вышло. Оно вдруг... – девушка нахмурилась, подбирая слова. – Само...

Она покосилась на своего спутника. Тот внимательно её слушал.

– Просто у вас был такой... взгляд грустный.

Мужчина чуть наклонил голову и задумчиво прищурил

глаза.

– То есть меня спас мой грустный взгляд, который очаровал прелестную девушку. Что ж, неплохо.

Лилия вытаращилась на него, и не нашлась, что ответить. А он просто тихо улыбался.

– Ой, – спохватилась она, – я ведь даже не спросила вашего имени!

Её спутник немного странно посмотрел на неё.

– А вы не будете обижены тем, что я не назову его?

– Нет, – немного подумав, сказала девушка, – если вы обещаете не убивать меня и позволите вам помочь... с этим,

– Лилия кивнула на его разбитую бровь.

– Ну, что ж... На это я, пожалуй, согласен. Торжественно обещаю вас не убивать! – нарочито серьёзно произнёс он, приложив руку к груди.

Девушка прищёлкнула языком и открыла калитку.

– Тогда нам сюда.

Дождь, собиравшийся всё утро, наконец начался. Куры во дворе забрались в курятник с тихим кудахтаньем.

Белая кошечка постоянно тёрлась у ног незнакомца. Он сидел на лавке, раздетый до пояса, а девушка разогревала воду и ходила то в сарай, то к колодцу, то за дровами. От него она помощь принимать категорически отказывалась.

Помимо рассечённой брови и уже образовавшегося там отёка, на груди, спине и боках начинали багроветь огромные синяки.

Тёплой водой девушка смыла запекшуюся на лице мужчины кровь и обработала самую ранку.

– Приложите и держите, хорошо? – сказала она, вкладывая гостью в руку небольшую подушечку из свёрнутой мягкой ткани. Она была влажной, прохладной и приятно пахла.

Лилия же села рядом и приложила такую же подушечку к особенно большой ссадине на спине.

– Что это?

– Это кипрей. Плакун. Будет меньше болеть. Синяков у вас много...

Мужчина обвёл взглядом жилище. Ничего особенного, чисто, уютно. Он решил, что девушка живёт одна. Немного посуды возле печки и на столе. Вручную сшитые лоскутные коврики на деревянных половицах. В углу веник.

Заметил он также кучу маленьких туесков, ступок, различных холщовых мешочков, развешанных и расставленных на многочисленных полочках.

– Я ведьма, – серьёзно сказала девушка, проследив за взглядом гостя. Он оглянулся на неё с немым вопросом, в изумлении отняв подушечку от глаза. Девушка усмехнулась и своей рукой вернула его ладонь на место. – Шучу. Это люди так говорят. А вообще-то я знахарка.

– И кого лечишь?

– Кто просит. Всех. Вот, вас лечу. Судьба у меня такая, – пожалв плечами, ответила она.

– Хорошая судьба, – кивнул он.

Белая зеленоглазая кошечка, что вертелась у ног, запрыгнула к нему на колени и ткнулась холодным носом в его ладонь.

– Эй, здравствуй, – мужчина улыбнулся и свободной рукой стал гладить кошку по голове и осторожно трепать ушки. Она громко заурчала и удобно устроилась на коленях, свернувшись калачиком.

– А вы ей понравились, – поднимаясь, заметила Лилия.

– Чудесное животное. Компаньон?

– Вроде того, – отозвалась девушка. Она соорудила ещё одну примочку и вернулась на прежнее место. – Вместе живём да охраняем друг друга от разных неприятностей.

Дождь всё не утихал. День скатывался к вечеру, но солнца видно не было – тучи становились всё ниже и темнее. Лилия зажгла масляную лампу и пару свечей.

В голову стали закрадываться неприятные мысли. Она снова и снова вспоминала злобную толпу и пьяный голос кожевника.

«Я тебя предупреждал, помнишь?»

Девушке очень не понравилось всё это. Она успокаивала себя тем, что слышала много оскорблений и угроз, но они на поверку оказывались лишь обидными словами. Но на сей раз беспокойство не утихало.

К тому же, Ревека так и не вернулась. Лилия старалась не думать о том, что могло случиться, а где искать старушку, она не могла представить.

Гость задумчиво чесал за ухом мирно спящую у него на коленях кошку.

– Мне не нужно ваше имя, – тихо начала девушка, – но, может быть, вы согласитесь рассказать что-нибудь о себе.

– Что же, например? – наклонив голову, спросил он.

– Куда вы направляетесь? Что ищете? Что такого сказали Берту, что я весь день вами занимаюсь?

Последний вопрос Лилия задала нарочито строгим тоном, и гость усмехнулся.

– Если вам угодно...

И он начал рассказывать. Поведал о том, что путешествует с конца осени, то есть около полугода. Всё это время бродил по землям от северных гор до южных снегов, исходил многие леса и поля, побывал в сотнях деревень и городов, говорил со многими людьми. Деньги и пропитание доставал, подрабатывая на крупных ярмарках носильщиком, потом ходил за скотом на фермах, а дальше началась пахота, сев и прочие работы...

– И в Серебряном городе вы были? – спросила Лилия, когда в его рассказе возникла пауза.

– В Серебряном городе... Что вам до него?

Девушка пожала плечами.

– Говорят, он красив. А ещё говорят, что это единственное место, где растут голубые лилии.

– Неужели лишь красота и цветы делают честь городу в ваших глазах? – вдруг усмехнулся мужчина.

– Совсем недавно лишь грустный взгляд спас вас от издевательств селян, – заметила Лилия. – К тому же... вы считаете, что это так уж мало?

Она не продолжала, но гость тоже молчал. Ему казалось, что девушка отнюдь не глупа. Нет. Совершенно точно не глупа. Но он сам никак не мог понять образ её мыслей. Ему хотелось послушать, что она скажет.

Наконец, девушка всё-таки заговорила.

– У меня очень мало опыта и скромные познания. Но

всё-таки я иногда задумываюсь кое о чём... Что бы там ни говорили, ни писали в умных книжках – красота важна. Она заставляет чувствовать. Думать. Мечтать. Только соприкоснувшись с настоящей красотой, можно познать ценность жизни... Её хочется нести всюду за собой, делиться ею, чтобы она завладела всем и всеми.

– Мне даже нравится то, о чем вы говорите, – снова чуть наклонив голову, как он, видимо, всегда делал, задумываясь, медленно произнёс мужчина. – Но... скажите мне одну вещь...

Он вдруг круто развернулся, оказавшись с ней лицом к лицу.

– Как её распознать, эту вашу красоту?

Лилия склонила голову набок, передразнивая манеру своего гостя. Разговоры были ей непривычны, но она почему-то не чувствовала никакой скованности. Девушка загадочно улыбнулась и, немного подумав, ответила.

– А у красоты очень много обличий. Настолько, что сложно себе представить. Поэтому распознать её помогут лишь цветы. Вот вы можете сказать, сколько есть цветов во всем мире? – Мужчина отрицательно покачал головой. – Вот видите. Их ведь и правда много, и все разные. Так же и с красотой. Есть, например, красота страстная, яркая. Таковую мало кто может отрицать. Это красота цветков розы. А есть, например, ромашка, мак или сирень. Их красота простая. Родная, можно сказать. Но и они очень разные. Есть цветы, по-

хожие на райских птиц, – пёстрые, экзотичные. Их красота – вызывающая. А есть такая красота, которую и красотой-то мало кто может назвать. Настолько она кажется ничтожной, несерьёзной. Цветки белены или чертополоха, например. Но и это – красота.

Чем больше говорила Лилия, тем заинтересованнее становился взгляд мужчины. Когда девушка замолчала, возникла долгая пауза. Он думал над тем, что она сказала.

Думал и наконец спросил:

– А лилия? Какую красоту учит видеть голубая лилия?

– Голубая лилия... – Девушка задумалась, подбирая слова. – Учит видеть красоту в необычном. Немного... странном. Может, необъяснимом. Понимаете? Ты вроде знаешь, что она существует, эта лилия. Но мало кто её видел. Особенно в наших краях... – Лилия посмотрела в окно и поняла, что за занятиями и разговорами не заметила, как наступила уже глубокая ночь, хотя звёзды и луну закрывали тучи. – Вот такая вот... красота.

Бросив беглый взгляд на гостя, Лилия поднялась с лавки и подошла к печке. Она вдруг смутилась. Начав убирать в мешочек оставшийся кипрей, девушка подумала, что не стоило, наверное... То, что она сказала, наверняка показалось ему слишком наивным, если не глупым.

– Не думаешь ли ты, что такая красота – всего лишь выдумки? И лилии эти голубые... тоже.

Девушка замерла. Непонятно, что оказалось более нежи-

данным – внезапный вопрос в возникшей тишине или серьёзный тон, которым он был задан.

Лилия обернулась. Мужчина все так же сидел, оседлав лавку. Он смотрел в тёмное окно. Узел на затылке развязался, и волны немного грязных волос теперь закрывали часть его лица. Девушка глядела на него, и слабая неясная мысль вдруг проскользнула у неё в голове. Но гость, не услышав ответа, обернулся и, встретившись с ней взглядом, задал другой вопрос:

– Ты видела когда-нибудь такую красоту?

Лилия не выдержала его взгляд и снова отвернулась. Она не знала, что ответить.

Но он ждал. В тусклом свете лампы его глаза блестели, следя за ней. Он ждал ответа.

Вдруг девушка краем глаза увидела что-то на полках, среди холщовых мешочков и многочисленных склянок. Истёртый корешок старой книги.

Той самой, что она нашла.

– Эльфы, – полушёпотом сообщила Лилия и улыбнулась.
– Такая красота живёт в них.

Ей вдруг стало очень легко и радостно. Она не могла объяснить причины, но эта мысль, так внезапно пришедшая ей в голову, показалась очень знакомой. Как будто она верила в это всё время и только сейчас поняла.

Гость чуть приподнял брови.

– И ты видела их?

Лилия, по-прежнему улыбаясь, покачала головой.

– Тогда откуда такая мысль?

Гость ухмылялся, но девушка теперь чувствовала себя свободно и понимала – он не смеётся над ней.

И это было правдой. Мужчина знал сейчас совершенно точно, что эта девушка представляет из себя гораздо больше, чем могло показаться. Ему нравился разговор с ней.

Лилия начала собирать на стол.

– Голубую лилию я тоже никогда не видела.

Вместе они скромно поужинали. Гость настоял на своём и сам убрал посуду, а Лилия переставила свечи и лампу на стол.

Ребеки не было.

События утра очень сильно взбудоражили обоих – спать не хотелось. Тогда мужчина попросил Лилию тоже рассказать о себе, и она рассказала, хотя это заняло совсем не много времени. Девушка говорила о родителях, о своих занятиях, о Ребеке. Гость слушал её внимательно.

– То есть утром ты пришла в деревню, чтобы отыскать её?

– Ага. Только не нашла.

– Значит, мне повезло.

Лилия задумчиво трогала пламя свечки пальцами, стараясь не обжечься.

– Не я, так кто-нибудь другой помог бы вам в беде.

– Сильно в этом сомневаюсь, – протянул он. – По-моему, ты и сама в это не веришь.

Девушка скорчила жутко задумчивую гримасу и пожала плечами.

Оба рассмеялись.

– Кстати, вы так и не рассказали, за что вас настолько невзлюбил наш достопочтенный торговец, – напомнила Лилия.

Теперь её собеседник тоже водил пальцем над свечой.

– Ваш достопочтенный торговец рыбой? О, я всего лишь сказал ему правду.

Девушка вопросительно подняла брови:

– Вы что, сказали ему, что он сам похож на жирного окуня?

Мужчина фыркнул и, состроив страшное лицо и выпучив глаза, воскликнул:

– О боги, нет, конечно!

Потом чуть задумался и добавил:

– Хотя и правда, похож. Но я всего лишь сказал, что рыба у него прескверная, и он явно обманывает честных людей.

– Ну вот. Я думала, вы более оригинальны.

Теперь гость всерьёз удивился, но со смехом парировал:

– Представьте, что бы произошло, если бы я был оригинальнее?! Боюсь, вы тогда точно ничем уже не смогли бы мне помочь!

Немного порассуждав о вариантах развития событий, оба замолчали и, казалось, погрузились каждый в свои мысли. Но когда гость снова заговорил, выяснилось, что думали они об одном и том же.

– Тот неприятный человек с пьяными глазами...

– Кожевенник, – пояснила Лилия.

– Да. Я слышал, что он сказал. И у меня лишь один вопрос. Девушка ничего не сказала. Тогда он продолжил.

– Вам стоит бояться его? Я уверен, вы лучше меня можете

оценить серьёзность ситуации.

Лилия немного нервно скрестила руки на столе и выглянула в окно. Показалось, что стало светлее... Но до утра ещё несколько часов, это точно. Было слышно, как ругаются куры. Что могли не поделить...

– Я немного рассказала вам о людях, что живут здесь. – Он кивнул. – Так что иногда приходится слышать неприятные вещи... Но со временем они забываются.

Девушка замолчала. Она не знала, стоит ли говорить честно, и что вообще будет честным? Не проще ли обратиться всё в неудачную пьяную шутку?

Может быть, что-то выдавало её мысли, только собеседник тихо, но твёрдо сказал:

– Я прошу ответить честно. Я у вас в неоплатном долгу за то, что вы осмелились сделать для меня, и хочу знать: если это повредит вам, как можно уберечь от этого?

Лилия смотрела на скрещённые на столе руки и пыталась прислушаться к своим ощущениям. Они редко подводили её, и всё же, подняв голову и встретившись с тёмными глазами, внимательно за ней следившими, девушка хотела бы, чтобы правда оказалась другой...

– Я очень боюсь, что... – голос у неё дрогнул, но девушка не обратила внимания на это, – что на этот раз это так просто не закончится. Кажется, я слишком уж испытываю их терпение.

Мужчина задумался, не отрывая от неё взгляд. Молчали,

наверное, с минуту.

Внезапно со двора послышалось возбужденное кудахта-
нье. Протяжно и испуганно прокукарекал петух. Лилия по-
искала глазами кошку, но её нигде поблизости не оказалось.

Замерев на своих местах, они переглянулись. Больше ни-
чего не было слышно, но куры возились всё беспокойнее.

Мужчина потушил свечи и лампу и выглянул в окно. На
улице не было темно так, как бывает безлунными ночами.
Небо затянуло тучами, но кусты и плетень отбрасывали по-
драгивающие, живые тени в слабом желтоватом свете.

Глазами, полными ужаса, девушка смотрела на них пару
секунд и бросилась к дверям. Она вылетела во двор и оста-
новилась.

Дом Ревеки, который отделял от её собственного длинный
и узкий участок земли, был охвачен огнем. Приглушенный
гул был слышен даже здесь, из окон то и дело показывались
языки пламени, а вертикально вверх поднимался столб чёр-
ного дыма.

– Нет... – выдохнула она и в отчаянии выбежала за калит-
ку.

– Подожди!

Расстояние в почти двести метров они преодолели, каза-
лось, за несколько секунд.

Плетень был выкорчеван, составлен возле полыхающего
дома и уже обуглился – в огне были видны его чёрные острые
остатки, напоминавшие обгоревшие кости.

Пожар ревел с нечеловеческой силой. Казалось, что дом светится изнутри, будто птица феникс отчаянно бьётся о прутья клетки, в которую умудрилась угодить. Послышался звон лопнувшего стекла и громкий треск. Как они могли не заметить этого?! Хотя... конечно, из её собственного дома не было видно этот. И ничего не слышно?

На несколько мгновений сердце девушки в ужасе замерло – что если Ревека вдруг вернулась и что-то произошло? Что тогда? Войти в полыхающий дом было невозможно.

– Отойди назад! – перекрывая гул пожара, крикнул мужчина и, крепко схватив её за руку, оттащил на другую сторону дороги.

И очень вовремя – крыша закрипела и рухнула вниз с грохотом, сравнимым разве что с громом, прогремевшим совсем близко, и в воздух поднялся целый рой искр и клубы чёрного пепла. Огонь, неистово бившийся в слепых окнах, немного поутих, задушенный свалившейся на него тяжестью, но в следующую же секунду забушевал с новой силой, разрушая остатки дома.

Делать что-либо было бессмысленно, и они вдвоём так и остались стоять на месте, глядя в огонь, и от этого глаза болели и слезились. Её руку мужчина так и не отпустил.

Лилия была напугана зрелищем пожара. Ей было очень жаль загубленный дом – совсем старый и изрядно обветшавший, за последние годы он стал для неё родным. Но что-то подсказывало ей, что эта беда – всего лишь предупреждение.

Кто-то (и она догадывалась, кто) очень хорошо знал, что дом пуст. Её просто хотели запугать.

Ребеки не было в доме. И больше старушка никогда сюда не вернётся. Девушка просто знала это, поняла, глядя на пожар, будто огонь нашептал.

И самой ей тоже придётся уйти. Как можно скорее.

Они не спали всю ночь и не произнесли ни слова, рука об руку возвращаясь в уцелевший дом, когда на востоке забрезжил рассвет.

В конце концов девушка уснула, прислонившись к печке. А её гость ещё долго сидел неподвижно, обхватив голову руками. Ему очень хотелось помочь, пусть он точно не знал, как, однако уже во второй раз его мысли совпали с мыслями девушки. Как бы ни хотелось им, пожар оказался не случайностью. Очередной акт человеческой жестокости, слишком трусливой, чтобы допустить убийство, но достаточно коварной, чтобы отравить жизнь.

И мужчина видел в этом свою вину, он знал – именно его спасение оказалось последней каплей терпения. Если бы он сказал об этом Лилии – она бы назвала его глупцом и оказалась права. Ведь в чём он виноват? В том, что оказался всего-навсего жертвой жестокой забавы невежественных селян? В том, что именно она заступилась за него, пусть это и обернулось для неё прескверно?

Но даже если бы всего этого не случилось – произошедшее уходящей ночью было лишь вопросом времени. Терпение людей уже было на исходе.

Окно выходило на восток, и мужчина долго наблюдал за медленно светлеющим небом. Наступало утро.

Он поднялся и вышел, направившись туда, где вчера бушевал пожар. Сгорело все. Сарай превратился в кучу дымящегося пепла, из которого тут и там торчали обуглившиеся кости досок. Стены дома устояли на уровне его роста – постройка всё-таки была сработана на совесть. Мужчина подумал, сколько она могла ещё простоять, если бы не огонь.

Он наклонился и через пустой дверной проём зашёл внутрь. Там была настоящая свалка – дотлевали доски и брёвна рухнувшей крыши, на полу среди пепла валялись осколки стекла и глины, обрывки холстины. Машинально мужчина затоптал горящую с одной стороны доску и, наклонившись, выглянул в пустое окно. Увидев дом, в котором сейчас спала у печки девушка, он с содроганием подумал, что и тот мог бы выглядеть сейчас точно так же...

Делать здесь было совершенно нечего, и мужчина собирался пробраться через обуглившиеся бревна наружу, как вдруг внимание его привлекла одна, по-видимому, уцелевшая в пожаре вещь. Строго говоря, именно из-за этого он её и заметил. Из-под наполовину прогоревшей холстины торчало что-то похожее на корешок маленький книжки. Переступив через очередной завал, он поднял вещицу.

Это оказалась та самая шкатулка с портретом, которую совсем недавно Лилия и Ревека рассматривали при свете свечей. Как ни странно, казалось, она совсем не пострадала. Мужчина провел пальцем по искусно вырезанным на крышке всадникам и заметил корону, венчавшую композицию.

Открыв футляр, он с минуту разглядывал изображение, также оставшееся в сохранности. Как прежде и Лилия, он восхитился тонкостью и изяществом работы. Кто этот художник, думал он, что смог сотворить такое? Никогда прежде мужчина не видел ещё такой красоты, такой... жизни в портрете.

И тут он заметил изображённые на перилах цветы, на которые не обратил внимания сразу.

– Голубые лилии, значит...

С восходом солнца все волнения, казалось, остались позади, оставив лишь неприятный горький осадок. Воздух был чист и свеж, по небу медленно проплывали редкие облака. Мужчина оглянулся на деревню, лежащую у подножия холма. Даже она стала теперь приветливой и мирной.

Если не подходить слишком близко.

Подул слабый ветерок, и можно было уловить лёгкий шум и мелодичное поскрипывание качающихся деревьев. Мужчина остановился у калитки, но вдруг передумал и двинулся дальше, к опушке леса. Идти туда было недалеко, но он медлил, часто останавливаясь и оглядываясь вокруг. Какое же всё-таки живописное и благодатное здесь место! Кругом, насколько хватает глаз, – зелёные холмы и луга, засеянные и уже зеленеющие поля, фруктовые деревья и огороды у домов приютившейся под защитой леса деревеньки. Полевые цветы, словно праздничные бумажные гирлянды, опоясывали склоны.

Такие места встречаются редко. Тихие, спокойные, плодородные. Именно в таких местах люди проживают всю свою долгую жизнь и медленно угасают, оставляя небогатое наследство своим потомкам.

Как же получилось, что именно здесь людская глупость и жестокость одержали верх? Мужчина подумал, что лишь

девушке, которой он обязан своим спасением, было бы здесь самое место, но судьба всегда распоряжается иначе...

Так размышлял он, медленно шагая вдоль опушки леса. Прошло около часа с момента его ухода, и мужчина решил, что пора вернуться.

Он не стал идти той же дорогой, а начал спускаться напрямик к дому, шагая по склону в высокой траве. Голова его по-прежнему была занята множеством мыслей, так что мужчина заметил неладное, когда уже почти дошёл до деревянного сарая, примостившегося к избе.

Но заметив, последние десятки метров он почти бежал, не отрывая взгляда от потемневшего дерева. И чем ближе он подходил, тем мрачнее становилось его лицо. На стене сарая, обращённой к лесу, что-то висело. Даже не что-то...

Кто-то.

Кошка. Та самая белоснежная зеленоглазая кошка, которая спала у него на коленях минувшим вечером и о которой с такой любовью говорила девушка.

Она была подвешена за шею тонкой верёвкой, привязанной к гвоздю. Мордочка была разбита, и белая шерстка испачкана кровью. Тельце уже зачоченело, лапы торчали в разные стороны, как будто животное всё ещё отбивалось от своих мучителей. Он поднял руку, дотронулся до коготков на передней лапке, которые кошка не могла уже спрятать.

– Я боялась, что вы ушли.

Мужчина вздрогнул от неожиданности, сбросив охватив-

шее его оцепенение. Девушка стояла с туеском в руках, собираясь накормить кур. Она выглядела очень уставшей, но приветливо и с облегчением на лице улыбнулась ему. Но он не мог выдать из себя ни слова и не двинулся с места.

– С вами всё в порядке? – обеспокоенно спросила Лилия и подошла ближе.

Мужчина снял кошку, осторожно перерезав верёвки. За час девушка уложила в заплечный мешок несколько нужных вещей, еду и одеяло и взяла большую лекарскую сумку.

Оставив двери открытыми, они ушли. Кошку похоронили на холме у рябины, недалеко от двух больших камней. Был уже полдень, и солнце стояло высоко в небе. Оглянувшись, Лилия увидела, как поднявшийся ветер разносит пепел, оставшийся после ночного кошмара. Её собственный дом стоял, не зная, какая участь его ждёт. Он уже выглядел давно покинутым.

– Мне очень жаль.

Мужчина протянул девушке найденную на пожарище шкатулку, которую она крепко сжала в руке. Немного помолчав, он спросил:

– Не хотите пойти со мной?

– Нет.

– Куда же вы пойдёте?

Вместо ответа девушка усмехнулась и, наконец, посмотрела на него.

– Я желаю вам лёгкой дороги. Найдите то, что ищете. Или возвращайтесь домой. Наверное, он далеко, не так ли?

Она улыбнулась и, бросив последний, долгий взгляд на рябину, начала спускаться с холма. Мужчина, опустив голову и

исподлобья глядя на валуны, не двинулся с места. Казалось, он о чём-то думал... О чём-то важном, что когда-то им было забыто и только сейчас, под одиноким деревом, начало вдруг просыпаться в памяти.

Когда девушка преодолела половину пути до опушки леса, она услышала окрик:

– Назовите ваше имя!

Немного помедлив, она ответила:

– Лилия. Моё имя – Лилия.

И, ни разу больше не обернувшись, девушка пошла дальше, зайдя в лес с каждым шагом углубляясь в чащу.

Лес

1

Об опрометчивости своего ухода Лилия не задумывалась ещё долгое время. Напротив, такой поступок был для неё единственно верным решением. Гораздо раньше – а если быть точным, уже на следующее утро с того момента, как она начала своё путешествие, – девушка поняла, что единственным её помощником в ориентировке на местности будет полная к ней неспособность.

Безусловно, Лилия хорошо знала тропы, по которым они вместе с Ревекой ходили за травами. Пока места были ей знакомы, она с удовлетворением отмечала, что помнит каждое дерево на развилках, все заросли черёмухи и даже старые беличьи дупла.

К концу второго дня лес стал заметно сгущаться, и девушка теперь шла, немного радуясь, что не может выбрать для себя какого-то определенного направления. Однако, сама того не понимая, Лилия шла всё дальше и дальше на восток...

2

Девушка помнила, что в трёх днях пути от её деревни должно находиться ещё одно селение – как раз туда ехали её родители в свой последний раз. Но она не знала, что два года назад деревню уничтожил пожар, а уцелевшие жители решились на долгий и опасный путь к Серебряному городу, под защитой которого они надеялись обрести новый дом.

Хотя, если говорить честно, Лилия вовсе не хотела отыскать селение, даже если бы могла. А чего хотела – не знала.

Она просто шла через лес, останавливаясь на непродолжительный ночлег каждую ночь.

Вскоре деревья понемногу стали редеть. Чаще открывались обильно цветущие поляны, солнце уже всегда могло пробиться сквозь ветви высоких сосен. Изредка на глаза стали попадаться маленькие охотники – норки, куницы и даже забавные лисы. Они были рыжими, но лапы, мордочку, уши и хвост покрывали маленькие тёмно-коричневые пятна. Пели птицы, многих из них она не узнавала, хотя было предостаточно и привычных ей синиц, овсянок и соек.

Однажды Лилия заметила дятла и очень удивилась – он был намного больше тех, что она видела раньше. Откормленнее. И ярче – красное пятно на голове и зелёные на крыльях выделялись так, словно это было не оперение, а искусно сшитый карнавальный костюм.

Когда и дятел ее заметил, то бросил свое занятие и стал внимательно смотреть, смешно наклонив голову, чем жутко напомнил девушке её недавнего знакомого. Потом он перелетел на следующее дерево, следуя за Лилией. Девушка смеялась и разговаривала с птицей.

– Ты меня провожаешь? Очень мило с твоей стороны. – Птица села на ближнюю ветку и как будто прислушалась. Папа часто говорил, что животные, как люди, слушают речь. Возможно, птица просто редко слышит людей и интересуется. Хотя Лилия могла поклясться, что он за ней следит.

– А ты очень красивый, знаешь? – дятел наклонил голову и вдруг стал бить крыльями и щёлкать клювом. Лилия засмеялась. – Да ты просто прелесть, правда!

Её случайный спутник взмахнул крыльями и легко приземлился перед девушкой. Он оказался действительно огромным, размером едва уступая степному орлу, но это точно был дятел, никаких сомнений! Лилия медленно опустилась на корточки. Дятел внимательно смотрел.

– Ты меня как будто понимаешь... – пробормотала Лилия. Тут девушка поймала себя на мысли, что птица её изучает. Снова наклонив голову, дятел словно пытался понять, стоит ли она его внимания. Как только Лилия начала думать об этом, птица растопырила крылья и начала скакать на месте, как обрадованный чем-то ребёнок. От неожиданности девушка вскочила на ноги. Дятел стал кивать головой и свистеть. Такое поведение было, мягко говоря, удивительно.

– Что ты хочешь?

Дятел, высоко поднимая ноги, пошёл куда-то вправо. Лилия провожала его ошеломлённым взглядом. Тут он остановился и оглянулся на неё, а увидев, что она стоит на месте, пронзительно засвистел. Потом птица снова начала подпрыгивать – несколько прыжков к ней, а потом снова обратно.

– Ты хочешь, чтобы я за тобой пошла?

Тут дятел посмотрел на девушку так, будто сейчас человеческим голосом воскликнет что-то вроде: «Да ладно?!» – он даже, казалось, слегка саркастично прикрыл глаза.

Лилия сделала шаг вперёд. Дятел тут же оживился и вспрыгнул на нижнюю ветку. Девушка подошла к нему, и он перелетел на другое дерево. Так некоторое время они продвигались всё дальше, и внезапно дятел слетел с ветки, поднялся выше и полетел.

– Подожди! Куда ты? – крикнула Лилия и бросилась за ним.

Она бежала, постоянно поднимая голову вверх, выискивая среди листьев белое брюшко своего провожатого. Несколько раз она налетала на деревья, но не отставала. Очень сильно мешала сумка, и на ходу девушка забросила её за спину.

Но вот дятел пропал из вида. Лилия продолжила быстро идти в ту же сторону, подняв вверх голову, но не нашла белого брюшка. Тогда она, пробормотав что-то нечленораздельное, остановилась и посмотрела вокруг.

Произошедшая перемена поразила её. Кругом росли огромные клены с листьями, в длину и ширину чуть больше тридцати сантиметров. Трава под ними была зеленой и блестящей – клёны на удивление хорошо пропускали солнечный свет, и все вокруг приобретало зеленоватый оттенок. Возникло ощущение, что девушка оказалась на дне неглубокого озера, поверхность которого покрыта листьями кувшинок. Лилия была удивлена – по её понятиям, она совсем недолго бежала за необыкновенным дятлом, но окружающая растительность каким-то образом успела радикально смениться. Сосны и редкие берёзы, перемежающиеся с полянками, сменил древний кленовый лес. «А на какие деревья я налетала по дороге?» – спросила себя Лилия. Даже птицы здесь пели совсем по-другому. Их говор был насыщеннее, разнообразнее. Очевидно, здесь им поётся охотнее и свободней.

Лилия медленно продолжила идти мимо стволов. Под руками чувствовалась их мшистая поверхность.

– И где я, интересно...

3

Путешествие Лилии, начавшееся со встречи с большим дятлом, продолжалось уже три дня, и всё это время девушка удивлялась всему, что видела вокруг. Огромные стволы могучих клёнов напоминали колонны величественного зала в каком-нибудь далёком замке. Под ногами – ковёр из травы, достававшей иногда до колен. Нигде не видно было троп, и спустя пару дней пути Лилия решила, что их тут нет совсем. Но идти по мягкой траве было даже лучше.

Под вечер девушка стала замечать в траве редкие цветки. Это оказался клевер, и Лилия решила, что где-то поблизости есть поляна. Девушка не ошиблась, но она никак не ожидала того, что ей предстояло увидеть.

С каждым шагом цветов под ногами становилось всё больше, стволы клёнов отходили друг от друга всё дальше, и, наконец, взору девушки предстало необычайное, можно сказать, волшебное зрелище.

Солнце уже садилось, окрасив небо в нежный цвет розового пиона. Облака облачились в золото, купаясь в лучах, спускающихся сквозь них к земле, как дождевые потоки. У ног Лилии разворачивался, насколько хватало глаз, огромный луг, усыпанный большими и пышными цветками розового и белого клевера так густо, что не видно было даже зелёных стеблей и листьев. Где-то в отдалении виднелся новый

лесной массив.

– Красота какая!.. – выдохнула Лилия, глядя на всё широко открытыми от восхищения глазами.

Казалось, целую вечность она стояла и смотрела на всё это великолепиие. Забыв о дятле, об одиночестве своего вынужденного путешествия. Забыла она даже и о Ревеке, своём госте и пожаре. В конце концов, девушка уютно расположилась на ночлег возле последнего клёна. Когда Лилия засыпала, ей чудилось, что воды нежно-розового моря уносят её куда-то очень далеко...

4

Перебравшись на следующий день через душистое море клевера, девушка вновь оказалась в кленовой роще. Из неё, в принципе, можно было и не выходить – обойти поле под сенью деревьев. Но она не видела причин бояться показываться на открытых местах. Здесь никого не было, кроме иногда попадающихся животных. Лилия шла вперёд, всё дальше на запад, и гадала, большой ли этот лес? Когда и где он закончится? И куда же она, всё-таки, так упорно идёт?

Раздумывая над этими вопросами, слушая пение птиц и периодически останавливаясь, девушка продолжала путь до тех пор, пока однажды днём ей не показалось, что она в этом лесу всё-таки не одна.

Приглядевшись внимательнее, Лилия поняла совершенно точно: за деревьями мелькала чья-то фигура.

После того как девушка сбежала из деревни, прошло, кажется, около месяца, и всё это время она оставалась наедине с собой, если не считать встретившегося ей дятла-проводятого. Поэтому то, что в лесу оказался человек, сначала даже обрадовало её. Девушка пошла быстрее, стараясь нагнать того, кто шёл далеко впереди, – его спина маячила среди стволов.

Однако внутри нарастала тревога. Лилия вдруг подумала: а что если незнакомец опасен? Ведь это странно – столько времени не было ни одной живой души, ни одной деревни, и вдруг – человек. Лилия замедлила шаг, но не упускала из виду фигуру впереди и стала соображать, что ей делать. «В конце концов, неужели, если человек тут один, он обязательно должен быть опасен? А может, это лесник, и он живет где-то здесь?..» – так думала девушка, одновременно присматриваясь к впереди идущему. Сначала она заметила только тёмно-зеленую куртку. Но немного приблизившись и присмотревшись внимательнее, она разглядела кое-что, повернувшее её мысли совсем в другую сторону.

Лилия вдруг поняла, что незнакомец идет очень странно – медленно, шатаясь. Поэтому ей так легко удалось нагнать

его. Его волосы были очень светлыми, кажется, даже белыми. Неужели он стар и сед? По фигуре не скажешь, пусть с ним и творится что-то неладное. Вот он прислонился к дереву спиной, так что девушка разглядела его профиль. Лилия медленно приближалась, всё еще размышляя, стоит ли вообще показываться ему на глаза. Она смотрела на фигуру у дерева, и незнакомец показался ей странно измотанным. И он вдруг упал на землю.

Теперь Лилия не сомневалась, вновь пошла быстрее, потом побежала – в опасности, судя по всему, была вовсе не она.

Девушка оказалась возле лежащего на земле, и с первого же взгляда на него у Лилии волосы на затылке встали дыбом – на левом боку она увидела ужасную рану. Очень длинная, с рваными краями, она начиналась почти от ключицы и неровной дугой вспарывала бок. Рана обрывалась только на спине, уже на пояснице. «Кто мог сделать такое?!» Девушку пробрала дрожь, но нужно было что-то делать.

Опустившись на колени, она сняла со спины сумку и начала немного дрожащими руками развязывать шнурки на тёмно-зелёной куртке. Справившись с этим, осторожно разорвала рубашку, снимая ткань с раны, вокруг которой только начала запекаться кровь. Ранили его относительно недавно.

– Могло быть хуже... наверное, – пробормотала Лилия.

Кровь всё ещё сочилась из раны, поэтому девушка плотно перевязала её куда не годной уже рубашкой и бинтами,

которые вытащила из сумки.

Рану нужно было промыть и наложить хорошую повязку. А значит, необходимо принести и согреть воды.

Однако её предстояло ещё найти.

Лилия покосилась на лежащего. Лицо было молодым, как и тело. А вот волосы... Девушка читала в одной книге, что такое бывает. Наследственный дефект?

– Я сейчас вернусь, – сказала она зачем-то и отправилась на поиски, стараясь не заблудиться и надеясь, что ручей тут поблизости всё-таки есть.

Солнце уже стояло высоко, яркими потоками прорываясь сквозь кроны деревьев. Стало жарче, птицы поутихли, но часто было слышно, как они порхают с ветки на ветку, тихим чириканьем, свистом и воркованием общаясь друг с другом. Пару раз девушка видела рыжего зайца, пробежавшего перед ней в отдалении. «Интересно, это один и тот же?»

Лилия около десяти минут уже шла в одну сторону и думала об одной... нет, о двух вещах: как бы не заблудиться и где чёртов ручей в этом лесу? Прошла ещё пара минут, и Лилия повернула обратно. Она собиралась вернуться и пойти на поиски воды в другую сторону.

Внезапно прямо у её ног пролетело рыжее пятно, ринувшееся в ближайшие кусты. Лилия вскрикнула от неожиданности, но быстро поняла, что это опять заяц, и снова рыжий. «Всё-таки это тот же зверёк, – подумала Лилия, глядя на заросли, в которых только что исчезло рыжее пятно, чуть не сбившее её с ног. – Не может быть столько зайцев в одном месте». Никого больше не увидев, Лилия двинулась дальше, но не прошла и ста метров, как услышала шорохи слева от тропинки. Она остановилась. Шорох повторился, приблизился, и из куста малины вылез тот самый рыжий заяц. На нём не было ни единого белого или тёмного пятнышка, шерсть выглядела блестящей и ухоженной. Зверек оказался

небольшого размера, но имел невообразимые по длине уши. Заяц яростно вращал ими, нюхая воздух, прелестно шевеля носиком. Всё это вместе производило просто шикарное впечатление – Лилия рассмеялась громко и искренне и сама удивилась этому. Зверек, увидев, что она смеётся, перестал вращать ушами и посмотрел на неё почти с укором. Девушка постаралась сдержаться и просто улыбалась, глядя на посу-ровевшее животное.

Зрелище определённо великолепное – девушка и заяц среди деревьев стоят и смотрят друг на друга, при этом выражение морды последнего было сравнимо с выражением лица человека, который в очередной раз выслушивает не смешную шутку по поводу своего падения с лошади в прошлые выходные. Зверёк держал Лилию под таким взглядом секунд пятнадцать, потом тряхнул головой, провёл лапой по мордашке и встал на задние лапы.

– Привет, – поздоровалась девушка. – Ты чего тут?

Заяц озадаченно наклонил голову. Взгляд у него, как и у большинства животных, был очень умным. Глазки-бусинки внимательно следили за незнакомкой. Внезапно Лилии в голову пришла странная мысль....

– Ты не знаешь, здесь есть ручей неподалёку?

Да, отлично. Она спрашивает дорогу у зайца. Радует одно – хуже быть уже не может. Или?..

Как только она задала вопрос, зверёк заметно оживился. Он начал снова молотить ушами по воздуху и вращать голо-

вой, пригнувшись. Заяц опустил на все четыре лапы, обежал вокруг Лилии. Поглядел в одну сторону, потом в другую, снова поднялся. Посмотрев на Лилию, он вытянул переднюю лапку к лесу, вправо от того места, где они стояли.

Он показывал ей дорогу.

Лилия стояла, открыв рот в крайнем изумлении. Она тащила на зайца так, как будто увидела приведение. Их девушка тоже никогда не встречала, как и рыжих зайцев, которые могут показать направление.

Заяц тем временем настойчиво задёргал лапой. Он как будто говорил: «Ну, и что стоим? Ручей нужен, или как?» Потом зверёк опять наклонил голову, как бы размышляя, и, решив что-то, снова обежал вокруг Лилии, касаясь её ног, и устремился в лес – туда, где, должно быть, как он утверждал, есть ручей. Сделав несколько прыжков, он обернулся к девушке.

Лилия не двигалась. Шок от того, что заяц понял её и, более того, собрался, похоже, проводить, уже проходил. Не это заставляло её стоять на месте. Она боялась заблудиться.

Конечно, она была в лесах, собирала травы, ходила за ягодами, грибами. Но она никогда не была в совершенно незнакомом месте совсем одна. Правда, мысль о том, что заяц хочет завести её подальше и принести в жертву волкам (которых, она надеялась, тут не будет), была, мягко говоря, абсурдной.

И тут Лилия вспомнила, зачем вообще сюда пошла. Она

ведь оставила человека с большой раной под деревом, без сознания. Много будет толку, если она даже не заблудится, но не сможет помочь ему?

Заяц подбежал к Лилии и начал свистеть всё настойчивее. Девушка очнулась, покосилась на зверька и сказала:

– Пойдём.

Тот тут же поскакал довольно быстро в указанном им же направлении, через каждые несколько прыжков оглядываясь и убеждаясь, что девушка идёт за ним. Двигались быстро, благо, что лес не хвойный, и деревья в нём растут не так плотно. Уже через пару минут Лилия действительно услышала отдалённый шум лесного ручья. В целом прошло около пяти минут до того, как они миновали заросли кустарника и сразу оказались на берегу неглубокого потока.

Сложно передать, какое облегчение испытала при этом Лилия. Ей стало стыдно за то, что она с таким недоверием отнеслась к своему проводнику. Тот опять занял смотровую позицию на задних лапах, вынюхивая что-то в воздухе.

– Спасибо тебе, – ласково сказала ему Лилия. Заяц, без сомнения, понял и добродушно пошевелил ушами.

Ручей был заключён в каменное русло, берега представляли собой плоские и гладкие глыбы горной породы. Похоже, что эта речка раньше была намного шире и захватывала своим течением и то место, на котором находились девушка с зайцем.

Вода была очень холодная, как ей и полагалось, и удиви-

тельно прозрачная. Глубина в том месте, где Лилия набирала воду, была чуть меньше длины её руки. На дне были видны маленькие, удивительно красивые рыбки – их спинки отличали зелёным, когда они играли на дне.

Девушка набрала воду во все фляги и наполнила котелок. Ей понадобится много, чтобы промыть рану и приготовить повязку. Она почти закончила, когда задумалась о том, каким образом ей снова найти то дерево, у которого она оставила незнакомца с белоснежными волосами.

Лилия аккуратно связала фляги, во вторую руку взяла котелок и, выпрямившись, увидела, что заяц сидит на том же месте и смотрит на неё. Когда их взгляды встретились, заяц покивал головой и опустил на четыре лапы. Он начал снова скакать, оборачиваясь и, очевидно, желая, чтобы Лилия шла за ним.

– Мне нужно вернуться! – крикнула ему вслед девушка, увидев, что заяц направился не туда, откуда они пришли.

Зверёк остановился, обернулся и нетерпеливо и слегка раздосадовано посвистел. Лилия поняла, что он знал, куда ей надо, и знал, куда идёт.

Они снова начали идти, уже по другому маршруту, но так же быстро. Лилия не знала, как смогла понять зайца. Она ведь не просто догадалась, она почти услышала, как он говорит: «Я знаю, знаю, он ждёт, а я тебя к нему веду – не соображай так туго!» Это было удивительно, даже, можно сказать, слишком удивительно, и доля удивительных вещей, случив-

шихся с Лилией за последний месяц, заметно увеличилась по сравнению с её жизнью в деревне. Девушка вспомнила дятла, которого встретила в берёзовой роще. Тот тоже осознанно пошёл с ней на контакт, и он так же, как и рыжий проводник, показал ей дорогу, хотя, конечно, его она об этом не просила (может быть, и попросила бы, если бы тогда знала, что это, оказывается, работает). Лилия не успела подумать обо всём этом – она уже заметила дерево, под которым всё ещё без сознания – естественно – лежал раненый.

Заяц остановился, сел и оглянулся на неё, поджидая. Девушка подошла к нему и тоже присела рядом на корточки.

– Я очень благодарна тебе, рыжик, – сказала она, поладив его по голове. Он был, как ни странно, не против. – Жаль, я не знаю, что могу сделать для тебя.

Зверёк пошевелил бархатным носиком и опустил уши, которыми до этого несколько раз яростно молотил по воздуху. Черные блестящие глазки внимательно смотрели на девушку.

Осторожно перебирая лапами, он подошёл вплотную к Лилии. Вид у него был решительный. Заяц снова наострил уши, покивал головой и проделал свой фокус снова – повернулся в сторону дерева, под которым лежал раненый, и указал туда лапой. Только на этот раз он не показывал дорогу – они ведь и так уже пришли, куда нужно, верно?

Он хотел, чтобы девушка помогла человеку с белыми волосами.

После того, как заяц убежал, Лилия взялась за работу. Достаточно быстро, практически за полминуты ей удалось разжечь огонь, несмотря на экстренность ситуации. Это воодушевило девушку, тем более то, что нужно было сделать дальше, было её стихией. Она аккуратно достала из сумки множество холщовых мешочков. Разложив чистый платок, небольшими горками высыпала на него засушенные цветки сирени, желтой акации, горечавки. Даже в сухом виде они испускали довольно приятный, узнаваемый аромат. Запахи акации и сирени смешались в привычном нежном сочетании.

Вскипятив воду в котелке, Лилия смешала травы и аккуратно высыпала их в воду, которую сняла с костра. Через двадцать минут всё было готово, и она процедила отвар в маленький керамический кувшин. Его ей когда-то подарил пожилой гончар из соседней деревни за то, что она вылечила руку его сыну. Тот старик был очень добрым человеком, и Лилия всё ещё вспоминала его иногда, хотя с тех пор не видела уже около года.

Кстати, котелки, что Лилия взяла с собой и с которыми работала и дома, были её маленькой гордостью. Они легко умещались в сумке, складываясь один в другой. Можно было не переживать и о тяжести – котелки сделали из меди, закре-

пив тонкими чугунами ободками, так что они были похожи на странноватых, отлитых из металла шмелей. Сходства с шмелями добавляло и ещё кое-что. Размер. Самый большой из трех котелков вмещал в себя всего две чашки – столько же, сколько и глиняный кувшинчик. А маленький – кажется, даже меньше, чем чашку. Это было весьма удобно, ведь травы очень не любят много места. Они предпочитают уют и чистоту. За последним Лилия всегда тщательно следила.

Был у неё и сравнительно большой котёл, на пять чашек, естественно, для воды и еды. Но он – обычный, тяжёлый, чугунный. Его девушка пристёгивала ремнём, потому что он не вмещался в сумку. Но чистила и следила за ним так же тщательно.

Оставив отвар остывать, она подошла ещё раз осмотреть рану. Девушка решила, что её нанесли плохо заточенным оружием – края были неровные. Такой удар мог бы с лёгкостью убить этого человека, если бы он не уклонился. Возможно, это спасло ему жизнь. По крайней мере, на некоторое время.

Лилия принялась готовить компресс, который, как она надеялась, сделает заживление более быстрым и безболезненным. Ей пришлось снова кипятить воду, но уже для других ингредиентов. Арника и кора молодого дуба – очень хорошая смесь. Отвар из них – сильное средство, которое затягивает раны на ура. Но Лилия больше ценила тысячелистник и ромашку. Ревека называла их королевской четой сре-

ди лекарственных растений. Девушка вспоминала об этом, наблюдая, как танцуют в медленно кипящей воде их цветки. Туда же она опустила тонкие хлопковые бинты, чтобы их волокна впитали всю силу трав, которую раскроет вода.

Лилия огляделась по сторонам. Дул свежий ветерок, который был очень кстати – в полдень солнце грело нещадно, несмотря на то, что большую часть тепла и света забирали на себя огромные листья древних клёнов. Они возвышались здесь повсюду, а под ними росла густая зелёная трава. Поход к ручью и знакомство с зайцем позволили Лилии понять, что этот край – дом для тысяч зверей и птиц, место огромного скопления деревьев, кустарников, трав и цветов. Тут было хорошо, хотя величественность растущих вокруг клёнов заставляла почувствовать себя маленьким и беспомощным существом.

Лилия взяла кусок мягкой белой выстиранной ткани, которую до этого ещё подержала над паром, когда кипятилась вода, и кувшин. Опустившись на колени возле раненого, она осторожно окунула кончик ткани в пахнувший цветами чуть тёплый отвар и начала аккуратно обмывать рану, убрав временную повязку. Начиная с краёв, Лилия осторожно смыла остатки затвердевшей крови. Она работала осторожно, даже с некоторой опаской. Раздвигая края раны, чтобы обработать её изнутри, Лилия чуть морщилась, представляя, как это, должно быть, больно. Но несчастный был без сознания и не издавал ни звука, не двигался.

Скоро рана сделалась чистой, но менее страшно она выглядеть не стала. Наоборот, теперь были видны неровные края и глубокая борозда, проникающая в некоторых местах на пару сантиметров.

Чтобы наложить бинт, ей необходимо было приподнять раненого. На несколько секунд Лилии показалось, что у неё не получится сделать это. Ей не было тяжело физически, но на девушку напала какая-то странная неуверенность и казалось, что она не имеет права ничего предпринимать, может сделать что-то неправильно. Лилия разозлилась сама на себя. «Чёрт возьми, что происходит? Я должна выполнять свой долг, меня этому учили! С чего я вдруг?!" Девушка вскочила на ноги, нервно прошлась несколько раз из стороны в сторону. Остановившись возле незнакомца, ещё раз посмотрела на него. Бледный, с длинной раной на левом боку, без сознания. К горлу подкатила такая жалость к нему, что на глазах выступили слезы. С ещё более твёрдым, чем несколько минут назад, намерением сделать для него всё, что в её силах, она опустилась на колени, обхватила лежащего одной рукой за пояс, а другой придерживала плечи. Очень осторожно, чтобы не задеть рану, девушка приподняла раненого и усадила спиной к дереву. Удостоверившись, что он не завалится на бок, Лилия хотела уже вернуться к сумке и продолжить, как человек вдруг застонал. Девушка от неожиданности вздрогнула. Она внимательно посмотрела в лицо незнакомца – глаза были закрыты.

– Простите... – как-то виновато и сочувственно шепнула Лилия. На одно мгновение ей показалось, что он услышал.

Девушка не могла оторвать взгляда от лица несчастного. Ей было даже не жалко его, ей было больно за него, и она не могла понять, почему, ведь она даже не говорила с ним, видит его в первый раз. Но что-то в душе рвалось. Лилия чувствовала нежность к тому, кому пыталась помочь. Такого ещё ни разу не случалось, и в душе разыгралась целая буря, но девушка списала это на то, что впервые в жизни она осталась одна и впервые полностью самостоятельно занимается лечением. Прибавить ещё все недавние события... «Это наверняка из-за избытка впечатлений», — пришла к выводу Лилия и поднялась на ноги.

Она хорошенько отжала ткань, которую собиралась использовать в качестве компресса. Бинты источали терпкий, но приятный аромат, который характерен для хорошо настоянного тысячелистника. Аккуратно, чтобы не было складок, Лилия проложила ими рану.

После этого девушка достала тканые хлопковые бинты из сумки и снова вернулась к дереву. Ещё раз осмотрев рану и компресс, она начала осторожно накладывать повязку. Дело шло медленно – Лилия укладывала слой за слоем очень аккуратно, вдумчиво, постоянно контролируя, чтобы повязка не была слишком тугой, чтобы не причинять боли раненому, который, судя по всему, уже достаточно её испытал, но смогла остановить ещё сочившуюся кровь. Через полчаса

все было готово.

Лилия оглядела повязку и осталась довольна. Что-то заставило её снова поднять глаза. На лицо человека упали светлые пряди. Лилия подняла руку и, немного помешкав, дотронулась до его лба. Холодный. Даже слишком. Девушка провела рукой по нему, отводя белоснежные волосы за ухо.

И вдруг ахнула и отдернула руку.

– Ничего себе! – выдохнула Лилия, пристально и слегка ошалело вглядываясь в лицо раненого.

Тот, кого девушка приняла за человека, был, без сомнения, эльфом.

Лилия сидела и смотрела. Сначала на аккуратно заострённое ухо. Потом внимательно вглядываясь в лицо. Впервые за всё время.

– Так ты эльф....

У него были прекрасные, мягкие, но не лишённые мужественности черты лица. Тёмные ресницы на закрытых веках, немного широкие брови, бледная кожа – всё это превосходно сочеталось в нем. «Какие красивые, должно быть, у него глаза», – подумала девушка, но тут же устыдилась, непонятно почему. Она чувствовала, как её щеки покраснели.

Теперь Лилия увидела, что спутать раненого эльфа с человеком было практически невозможно. Всё указывало на его происхождение: красив и, судя по всему, силён. Прямые, необыкновенно белоснежные волосы. Лицо... Оно было особенным – измождённое и бледное, но спокойное. На нём не

было следов жестокости или обвинения, которые так часто наблюдала Лилия у больных людей, когда приходила лечить их. Некоторые даже в обмороке сохраняли гримасу, которая обвиняла в их страданиях всех вокруг. Лилия не увидела этого на лице эльфа, и, кажется, с этого момента (а может быть, сразу, как увидела его) прониклась уважением и даже привязанностью к нему.

Это сложно объяснить, но так бывает. Порой, чтобы узнать человека, испытать к нему какие-то чувства – будь то уважение или ненависть, привязанность или неприязнь, – нужно провести с ним некоторое время. Иногда много времени. Разговаривать, следить за его глазами, за его поступками, искать его душу. А иногда достаточно просто взгляда, потому что душа не прячется за оболочкой. Душа показывает себя, она является именно в том обличье, в котором существует внутри человека. Лилия только потом поняла, что это относится ко многим эльфам и очень немногим людям.

Поэтому, увидев спокойное лицо эльфа, Лилия признала в нём что-то близкое для себя. Она больше не сомневалась, что поступала правильно, помогая ему.

Об эльфах люди знают много, так им кажется. Но их знания так же незначительны, как маленькая мошка в сети огромного паука – они есть, но не имеют ценности, даже мешают, внушая напрасную надежду на то, что обладание ими принесёт что-то важное. Пауки в этом плане умнее. Они ценят крупную добычу. Имеющую цену. Имеющую смысл, ради которого стоило строить сеть.

Интересно, что бы сказала Ревека, если бы видела, знала, с кем встретилась её воспитанница? Удивило бы её это? А саму девушку это удивляло?

Если да, то не слишком уж ощутимо. Откуда бы ни взялся эльф, кем бы он ни был – другом или врагом, – ранен был достаточно серьёзно, а Лилия знала, что она должна остаться с ним. На самом деле, у неё даже не было сомнений по этому поводу. Девушка ни за что не бросила бы его в любом случае. Интересовала её, впрочем, пара вещей. Эльфы – существа довольно мирные. Но всё же Лилия предполагала, что у эльфа должно было быть какое-то оружие... хоть что-нибудь. А также её не покидала мысль о том, что, если бы на нём была кольчуга, рана могла быть не такой глубокой.

Лилия принесла ещё воды, несколько раз сходяв к ручью, дорогу к которому она выучила, и сухих веток. Холодало. Куртка, которую девушка сняла с раненого, уже никуда не го-

дилась. К тому же она решила, что эльфа сейчас какие-либо манипуляции принесут дополнительную боль, чего жутко не хотелось бы. Так что Лилия накрыла его одеялом, как есть. Она потрогала покрытый испариной лоб – он был холодный, и Лилия опасалась, что эльф потерял слишком много крови. Хотя это было логично, учитывая, сколько он, должно быть, прошёл. Но эльф до сих пор жив, а значит, кроме воспаления, которое может образоваться и с которым можно справиться, если знать, что делать (а она знала), бояться нечего. Но у девушки было плохое предчувствие, хотя она сама не могла объяснить себе, откуда оно.

Вздыхнув, Лилия обошла костерок, в десятый раз подумав о том, что нужно бы больше тренироваться в разжигании огня, и устроилась рядом с деревом, закутавшись в походный плащ. Спать не хотелось. Лилия устала от дороги за последние несколько недель, но эта неожиданная встреча как будто разбудила все дремавшие до этого мысли. В голове проносились одни за другим образы: кошка, пожар, огромный дятел, цветки клевера, рыжий заяц, эльф.

Интересно, кто его ранил? Лилия похолодела от этого внезапного вопроса, который неизвестно почему не пришёл в голову раньше. Что если тот (или те?), кто хотел убить эльфа, до сих пор где-то рядом, в лесу? Хотя, скорее всего, эльф смог убить врага прежде, чем тот нанес ему ещё одну рану. Иначе он не смог бы уйти.

Но что если есть ещё кто-то? Напрягая слух и зрение, Ли-

лия изучала сгущающиеся между деревьев сумерки.

Внезапно она поняла, что даже если по лесу бродит какая-нибудь тварь с мечом, луком, топором или чем-то ещё, это не имеет особого значения. В конце концов, она тут одна, если не принимать во внимание несчастного, лежащего в нескольких шагах от неё. И она не сможет убежать, спрятаться или защититься. Даже на дерево не заберётся.

Лилия кривовато усмехнулась. Как-то она об этой вероятности не подумала, когда убегала из охваченной пожаром деревни. Ну что ж, в любом случае, не ушла бы оттуда – точно умерла бы. А тут она всё ещё жива, хотя то, что творится, нельзя назвать стандартным путешествием.

Лилия взглянула на раненого. В лице у него ничего не изменилось.

Ночь тем временем полностью завладела лесом. Клёны шептались под лёгким ветерком, как будто не желая разбудить многочисленную птичью братию, уснувшую в их кронах. Повсюду слышны были шорохи лёгких кожистых крыльев летучих мышей. Лилия видела одну, когда та приземлилась на ствол дерева, – размах крыльев небольшой, примерно с её предплечье. Ночные бабочки и разнообразные жуки танцевали над костром, кружась в такт только им слышной музыке. Постепенно к ним присоединились и мыши, но танец у них был свой – танец охотников. Тени внезапно появлялись из мрака для смертоносного пируэта в круге света и исчезали вновь. Кажется, этот танец может продолжаться

всю ночь. Лесные жители редко предаются бешеной пляске у костра.

Лилия подбросила ещё немного сучьев в пламя, которое тут же благодарно зашипело и принялось перемалывать новую добычу. Над костром рыжими светлячками взлетали искры, смешивались с танцем лесных букашек, поднимались всё выше и выше, пока не угасали, коснувшись звёздного неба. А оно было воистину прекрасно: нежный, бархатистый тёмно-синий свод, усыпанный мелкими сверкающими бриллиантами. Некоторые из них превратились в серебристую пыль и облачком протянулись через все небо. Были на этом полотне и камни покрупнее – голубые, жёлтые, красноватые. Искры гасли, а звезды падали, казалось, спеша им навстречу.

Восток медленно окрашивался в голубой, розовый, а после и в светло-жёлтый. Когда первый луч солнца пробился сквозь листья, эльф застонал.

– Не двигайтесь! – воскликнула Лилия, вскакивая. При этом она невольно вытянула руки перед собой, как будто собиралась отгонять от себя внезапно очнувшегося незнакомца. Он удивлённо воззрился на неё и, похоже, совсем не понимал, что происходит. Осознав, как глупо, должно быть, всё это выглядит, девушка смутилась. Она опустила руки и уже спокойно повторила:

– Не двигайтесь. Пожалуйста.

Оба молча смотрели друг на друга. Повисло неловкое молчание. Лилия медленно обошла догорающий костёр и подошла вплотную к нему. Ей не нравилось, что лежащему приходится смотреть на неё снизу вверх, поэтому она опустилась на землю, всё ещё не спуская глаз с пришедшего в себя эльфа. Оба по-прежнему молчали.

Сцена со стороны выглядела более чем странно. Девушка была похожа на маленького испуганного зверька, который вдруг обнаружил хищника, попавшего в западню. Зверёк медленно подкрадывался, не в силах опустить взгляда, ожидая, что хищник вот-вот рванётся. Хотя, конечно же, на деле было не совсем так. Лилия не то чтобы боялась эльфа, она просто забыла подготовиться к тому, что он придёт в себя.

– Вы... Я нашла вас без сознания, – неожиданно для се-

бя начала Лилия, запинаясь на каждом слове. Эльф молча смотрел на нее, – вас кто-то ранил.

Лилия мысленно съездила себе по лицу. Можно подумать, он сам не догадался. «Он подумает, что я дура», – решила она. Почему-то её этот вариант расстраивал и мешал сообщать.

– Простите, я... – опять начала девушка, в мыслях горячо желая себе замолчать.

– Ты меня перевязала? – негромко, но неожиданно уверенно и спокойно спросил эльф.

Всё время, пока Лилия сидела на коленях и пыталась разъяснить ситуацию, которая ей самой была не до конца понятна, эльф внимательно за ней наблюдал. Глаза у него были действительно красивыми, как и думала девушка, глядя на него прошлым вечером. Они были самого холодного голубого оттенка, цвета замёрзшего озера в морозный день, когда лёд отливает прозрачной синевой. Но взгляд у эльфа был добрый и неожиданно тёплый, хоть и заметно измождённый.

Странно слышать незнакомый голос. Особенно после того, как ты долго наблюдал за его обладателем, но не говорил с ним. Человеческое сознание каким-то образом пытается предугадать голос и характер другого по его внешнему виду, стараясь дополнить образ самостоятельно. Когда же истина открывается и расходится с созданным образом, это становится большой неожиданностью, хотя и случается чаще всего.

Но, как убедилась впоследствии Лилия, с эльфами дела обстоят иначе. Совершенно. Голос у эльфа не был высоким или низким. Он был таким же тёплым и добрым, как взгляд голубых глаз, именно таким, каким его невольно для себя представляла Лилия, осознав это только в тот момент, когда он заговорил.

– Да, – тихо сказала она, – я промыла рану и перевязала. Она глубокая, но со временем затянется. Шрам, конечно, останется...

Лилия почувствовала, что волнуется. Так всегда случалось, если она начинала говорить с кем-то, кого не знала или знала мало. Девушка старалась смотреть куда угодно, но не на эльфа.

– Спасибо тебе.

Лилия повернула голову и тут же встретилась с его голубыми глазами. Эльф улыбался, а она не могла не улыбнуться в ответ. Они некоторое время смотрели друг другу в глаза, и Лилия чувствовала, что с каждой секундой ей становится проще находиться рядом с ним.

– Тебе... стоит лечь, – с улыбкой, вкрадчиво сказала девушка. Она сама не заметила, как вслед за эльфом перешла на дружеский тон, но ей стало от этого еще легче.

– Как скажешь, – улыбнулся он и аккуратно опустился на землю, заметно побледнел после этого движения. Лилию расстроило это, она хотела помочь, но не знала, как. Будучи лекарем, она сделала всё, что могла на данный момент, но не

вполне умела поддержать кого-то по-человечески.

– Сильно болит? – спросила она, желая вложить в эти два слова всё сочувствие, которое у неё вообще было.

Эльф посмотрел на неё и начал тихо смеяться. Так это было просто и от души, что Лилия не могла не улыбнуться тоже.

– Неужели ты за меня волнуешься? – с улыбкой спросил эльф, наигранно подозрительно прищуriv глаза.

Вопрос почему-то застал Лилию врасплох. Конечно же, она волнуется за него! Со вчерашнего дня, с момента, когда она увидела рану на его боку, Лилия боялась, что он умрёт, её тревожила боль, которую он испытывает и которую испытает, придя в сознание. Не говоря уже о том, что она не знала, что будет делать, если эльф всё-таки умрёт. Но признать в этом даже самой себе она не могла. Это было чем-то на подсознательном уровне личным. Она почувствовала, что краснеет.

– Ну... когда ты был без сознания... то выглядел таким несчастным и беспомощным.

Она не стала уточнять, что несчастным он кажется ей и сейчас, когда она смотрит на его измученное бледное лицо.

Эльф стал серьёзнее, но глаза по-прежнему тепло улыбались ей.

– Ты, кажется, добрая девушка, – сказал он, пытаясь поймать её взгляд, который она до сих пор пыталась куда-нибудь деть. – Как тебя зовут?

– Лилия. Если хочешь – Лия. Бабушка так звала, – тут она осеклась и решила поправить себя, – ну, соседка.

– Что ты делаешь в этом лесу? Ближайшее ваше поселение... – эльф слегка нахмурился, соображая. – Если ты пешком, то понятие «ближайшее» вообще растяжимо.

– Может, и нет ближайших. По крайней мере, я их уже с месяц не наблюдаю, – пожалала печами Лилия. – Я издалека.

Утро понемногу вступало в свои права. Было прохладно, но солнце тёплыми лучами прокрадывалось через кроны деревьев, забирая с собой остатки росы. Было слышно, как шумит неподалёку Заячий ручей (Лилия не знала, как он называется на самом деле, но про себя называла его именно так). День обещал быть тёплым и солнечным.

– И где твоя деревня? – спросил эльф.

– Я плохо ориентируюсь, – призналась Лилия. – Она где-то к юго-западу отсюда, у Зелёной гряды.

– Далековато, – согласился он, секунду поразмыслив. – И что ты делаешь тут?

– Ну, я просто... шла и оказалась здесь.

В конце концов, это было правдой. Эльф вопросительно поднял брови.

– Я ушла из деревни, – призналась Лилия. – Там...

Она замолчала и пожалала плечами. Воспоминания о случившемся были ещё довольно яркими. Незнакомец, ставший её гостем, толпа, прибитая к сараю кошка. Искажённое, противное лицо кожевенника встало перед глазами. В тот мо-

мент девушка не осознавала до конца опасность, которая ей грозила. И только сейчас она поняла, как это было мерзко, бесчеловечно... но в основном страшно.

Эльф тронул её за локоть, и это вернуло Лилию к реальности. Она передернулась от неожиданности, но он не убрал руку.

– С тобой тоже что-то случилось, так ведь?

Лилия озадаченно смотрела в сторону, опасаясь встретиться взглядом с голубыми глазами. Её одолевали странные смешанные чувства. С одной стороны – настороженность. Стоит ли рассказывать о себе? Это может быть крайне опасно, и она помнила, что Ревека предупреждала её. Она говорила: «Будь сама по себе. Неосторожное слово, неосторожное доверие – забудь про это».

А с другой стороны, её терзало непреодолимое желание довериться ему. Его лицо, голос и глаза не могли врать. Ей очень хотелось верить эльфу – с самого начала.

Эльф, конечно же, видел её замешательство. Ситуация сложилась отнюдь не стандартная, это нужно было признать. Девушка спасла ему жизнь, и он хотел тоже помочь ей. Больше всего эльфу нужно было, чтобы она не боялась его. Тем более, это в принципе становилось бессмысленно – в таком его положении.

– Ты можешь мне верить, – тихо сказал он ей, – в конце концов, ты всегда сможешь меня добить, если что, – весело добавил эльф.

Эта фраза сильно подействовала на девушку. Она встретила взгляд ледяных глаз – он улыбнулся и приподнялся на локтях, выставив при этом руку вперёд и останавливая Лилию, которая хотела ему помешать.

– Всё нормально. Поможешь мне?

Лилия обняла эльфа за пояс и помогла ему прислониться к дереву. Он старался не показывать, но, несмотря на это, было件нятно, что движения доставили ему боль.

– Так лучше, – устроившись, радостно сообщил эльф. – А то уж очень неудобно разговаривать в лежачем положении.

– Только недолго, – улыбнулась Лилия, – и если станет плохо, сразу скажи.

Вместо ответа эльф на секунду прикрыл глаза.

Убедившись, что всё хорошо, Лилия подбросила несколько веток в костёр, установила небольшую кастрюльку с водой на камень и стала кипятить воду. Девушка подумала, что неплохо бы приготовить чай, чтобы эльф расслабился. Боль утихнет, а он уснет – ему нужен отдых, а ране – покой. У неё была валериана, а чтобы смягчить возможное болезненное состояние, Лилия решила соединить её с ромашкой.

Эльф решил, что рассказ стоит начать ему.

– Ты много знаешь об эльфах?

Лилия утвердительно кивнула, и он продолжил:

– Мы стали меньше общаться с внешним миром, это правда. И тому есть причины. Несмотря на это, эльфы не перестали быть верны своим принципам: ни один не причинит вреда

тому, кто идёт с чистыми намерениями и добрым сердцем. Мы любим разговаривать с людьми и с радостью помогаем им, если нужно. Всё реже и реже, правда.

Лилия оторвала взгляд от мешочков, которые перебирала в поисках нужных трав. Ей в голову пришла одна неожиданная мысль.

– Ты сказал, что есть причины для вашей скрытности. Но они распространяются не на всех, так?

– Есть плохие люди, – задумчиво глядя на занятие девушки, произнёс эльф. – Грубые, невежественные, не знающие ценности жизни. Таких мы не терпим, не показываемся им на глаза никогда. Хотя иногда хочется что-нибудь эдакое с ними сделать... ну, для урока.

Эльф удовлетворенно заметил, что девушка улыбнулась, занимаясь своим делом и слушая его.

– А вот добрые и честные люди нам по душе. Если такой человек придёт в наш лес, ему нужна будет помощь и он её примет...

Он помолчал, наблюдая за тем, как девушка обдумывает его слова, и произнёс:

– Правда, в этот раз получилось по-другому. Я говорю это потому, что хоть ты и помогаешь мне, доверия я не чувствую.

Лилия завязала мешочек с засушенной ромашкой, убрала его в сумку и взглянула эльфу прямо в глаза.

– Я очень хочу довериться тебе. Просто боюсь. И я не хочу рассказывать о том, как оказалась здесь. Может, позже.

Это было правдой. Эльф с понимающим видом кивнул, но ничего не ответил, хотя внутри у него взыграло какое-то совершенно новое для него чувство.

Лилия немного погодя рассказала ему о том, чем занималась. О родителях, Ревеке, кошке. Чтобы развлечь нового знакомого, рассказала парочку действительно забавных историй. Эльф слушал, иногда переспрашивал. Что-то его откровенно удивляло.

Девушка тем временем закончила возиться у костра и, перелив содержимое в кружку, отдала её эльфу. Он поблагодарил её, и некоторое время они молчали.

– Так, значит, тебя зовут Лилия, – протянул эльф как-то задумчиво, – очень красивое имя. Кто дал его тебе?

– Мой папа. Он очень любил цветы, а лилии просто обо-жал.

Девушка смутилась, произнеся это. В другое время она ни за что не позволила бы себе что-то подобное; тем более именно сейчас девушка вдруг вспомнила, что дело здесь не только в цветах. Но в глубине души Лилия чувствовала, что эльф поймёт её правильно.

И она не ошиблась: подняв глаза, увидела, что он одобри-тельно улыбается.

– А как твое имя? – спросила Лилия, только сейчас осознав, что раньше не спросила об этом.

– Меня зовут Индйл.

– Я знаю, что у эльфов все имена что-то значат. Что озна-

чает твоё?

Лилия задала вопрос, поправляя большую ветку в костре и не глядя на эльфа, и потому очень удивилась, когда вдруг услышала смех. Индил смеялся, как мальчишка, запрокинув голову и прикрыв глаза ладонью. Правда, рана заметно ограничивала его веселость.

– Эй, я что-то не то сказала? – воскликнула она. Девушка могла обидеться на его смех, если бы он не был так заразителен.

Отсмеявшись, эльф убрал руку и посмотрел на Лилию. В голубых глазах плясали весёлые искорки.

– Ты права, у имён эльфов есть значения, – улыбаясь, ответил Индил, – но ты решишь, что я выдумываю, если я расскажу тебе про моё.

– Но ты ведь не станешь врать? – подозрительно сощурилась девушка, стараясь подавить смех.

– Конечно, нет. Обещаю. – Индил соорудил очень серьёзную гримасу, но не выдержал и широко улыбнулся, обнажив красивые зубы. – «Индил» – слово, ставшее моим именем, – на твоём языке означает «цветок лилии», – продолжил он, со смехом в глазах наблюдая за реакцией девушки.

Лилия удивлённо уставилась на него.

– Я же обещал не врать, помнишь? – сказал Индил, поднимая обе руки в покорном жесте.

Она знала, что он не врёт, была в этом уверена.

– Мне нравится твоё имя. Оно тебе подходит.

– Возможно, тебе показалось, что такое имя несколько странно носить эльфю мужского пола?

Индил задал вопрос и снова рассмеялся, увидев выражение лица Лилии. Они и правда подумала об этом, но только на секунду, и теперь ей стало стыдно за эту мысль. Ей не хотелось, чтобы Индил посчитал её слишком поверхностной.

– Прости, я просто...

– Ничего, просто иногда даже я задумываюсь над этим вопросом.

Лилия обрадовалась, что Индил не обиделся, и в очередной раз удивилась его способности угадывать мысли.

– Тогда почему тебя так называли? – спросила девушка, теперь абсолютно уверенная в том, что он ответит и не разочлится.

Индил устремил на неё долгий взгляд. Он почти всё время улыбался с тех пор, как очнулся, и каждая улыбка отличалась от другой. Не все могли это заметить, но это было так. Губы эльфа могли складываться в улыбку каждый раз одним и тем же образом, но, тем не менее, каждый раз что-то менялось. Это было в его глазах, в его тоне и ощущениях, которые испытывала Лилия, глядя на него.

И эта улыбка тоже была особенная. Она скрывалась зеленоватыми светлячками в холодных голубых глазах, как скрываются под снегом зелёные стебельки первых цветов. Улыбка удивления и доверчивой благодарности, но в ней таилась тихая печаль. Лилия только потом поняла, почему она была

такой.

– Рядом с тем местом, где я родился и вырос, разливался большой пруд, окружённый старыми ивами, – начал Индил, и казалось, что он с трудом старался вспомнить то, что было очень давно. – В нём росло много белоснежных водяных лилий. Моя мать говорила, что совсем маленьким я мог часами смотреть на них, ловить руками, а с рассветом ждать, когда они раскроют бутоны. И цвет волос...

– Как у лепестков белой лилии, – тихо договорила Лилия, мягко улыбаясь и осознавая, что это правда.

– Точно, – сказал Индил, глядя ей в глаза.

Лилия была рада разделить его воспоминания. Заметив, что эльф до сих пор держит в руках кружку, она взяла её и спросила:

– А где сейчас твоя мать?

Лилия сразу же поняла, что вопрос она задала не самый подходящий... С лица Индила пропала даже тень улыбки, черты ожесточились, а глаза вспыхнули холодным огнём.

Девушка увидела всё это и ужаснулась. Она хотела извиниться и поменять тему, но эльф вдруг произнёс холодным и жестоким тоном.

– Она умерла. Убили.

Выражение лица стало пугающим. В нём смешались печаль и ожесточённость, часто присутствующая у тех, кого лишили самого дорогого в жизни.

– Кто-то... такой же? – осторожно спросила девушка, ука-

зав на его рану.

– Нет, – Индил покачал головой и отвёл взгляд. – Один из эльфов.

Индил смотрел в землю перед собой. Последние слова повисли в воздухе и тяжёлым грузом легли между ними. Даже если бы в его глазах стояли слёзы, это не возымело бы такого действия на девушку. Именно обречённая жестокость, живущая в нём, глубоко расстроила её. Лилия понимала, что эта тяжесть давит на эльфа гораздо сильнее, чем простая скорбь.

Она неуверенной рукой коснулась его лба и отвела белоснежную прядь. Точно так же она сделала, когда Индил был без сознания. Почему-то этот простой, но ласковый жест казался ей единственно дозволенным и уместным.

Лилия и не думала, что у них окажется больше общего, чем могло показаться в самом начале.

– Мне очень жаль.

Солнце уже поднялось высоко, начался самый разгар дня, но в кленовой роще было не жарко, необыкновенно уютно и тихо. Далеко стоявшие друг от друга деревья тянули друг к другу ветви, расправляя огромные листья, так что вокруг по-прежнему царил волшебный зеленоватый свет. Где-то постоянно пели птицы, невидимые в раскидистых кронах.

Индил взглянул на девушку. Из глаз исчезли тёмные отсветы жестокого упорства. Теперь эльф выглядел глубоко опечаленным. Некоторое время они смотрели друг на друга. Лилия вздохнула, покачала головой и поднялась на ноги.

Она внутренне сокрушалась – как же сложно найти слова утешения, особенно если никакие из них не помогут справиться с болью. Поэтому только жестами и взглядами девушка силилась показать, что ей не всё равно.

Лилия направилась за водой, взяв котелки, когда Индил тихо сказал то, о чём она догадалась ещё ночью:

– Мы окажемся в опасности, если останемся здесь.

Она остановилась и чуть повернула голову.

– Мы всё равно не можем никуда уйти... пока.

Она знала, что Индил прав, и уже чувствовала, что он скажет теперь, – то, что она так не хотела услышать.

– Ты можешь уйти.

Ну вот. Ожидаемо. Благородно. И глупо.

Лилия усмехнулась, слегка покачав головой, и сделала шаг в сторону ручья.

– Послушай, – начал эльф гораздо громче, с ноткой раздражения в голосе. Он, кажется, не понимал, что она не маленькая девочка, которая просто вредничает.

– Ну, скажи, – перебила Лилия, вернувшись на место напротив него. – Ты знаешь этих... – Лилия сообразила, что не выяснила, кто ранил эльфа, – кем бы они ни были, неважно. От них можно убежать?

Лилия наблюдала, как глаза эльфа распахнулись, и на лице появилось выражение горького отчаяния. Он, не посмотрев на неё, покачал головой. Этот жест испугал её. Очень испугал. Она могла представить себе всё что угодно – любое чудище, разбойника ростом с дом... Но вот такое безмолв-

ное подтверждение действительной опасности внушало уже настоящие опасения.

– Что и требовалось доказать, – бросила Лилия резче, чем собиралась. Заметив, с каким упорством Индил смотрел теперь в сторону, она вздохнула, поставила котелки и присела рядом с ним. – Индил... – он не посмотрел в её сторону, но так ей было даже проще. – Ты тяжело ранен. И я не брошу тебя. Я смогу помочь, по крайней мере, постараюсь. А пока остается надеяться, что у нас не будет гостей.

Эльф наконец поднял глаза на неё, но сразу отвёл их. Девушка знала, что он не смирится. Это было написано у него на лице, принявшем несколько обречённое выражение. Лилия хотела было встать, но, подумав, добавила:

– Ты беспокоишься за меня, хотя совсем не знаешь. Я благодарна тебе.

Индил удивлённо уставился на неё. Лилия не дала ему возможности сказать что-либо, коснувшись его руки.

– Давай я помогу тебе лечь. Стоит поспать.

Индил больше не стал спорить и с её помощью лёг, пару раз поморщившись.

Лилия сходила к ручью, принесла ещё веток и принялась за очередную порцию отвара для промывания раны – её нужно было снова промыть и перевязать вечером. Она делала всё молча, предоставляя эльфу возможность уснуть.

Валериана с ромашкой действительно действовали, и Индила одолевал сон. Перед тем как провалиться в него на

несколько часов, он, повернув голову набок, смотрел на девушку, притихшую у костра, и думал. Чувство беспокойства не собиралось покидать его. Эльфа волновала судьба той, которая так много сделала для него и за которой он наблюдал в этот самый момент. Волосы девушка заплела в косу, которая перекинулась через плечо, пока она занималась делом. На ней было простое платье – то самое, в котором она ушла, так что уже порядком изодранное. Хотя даже в нём Лилия выглядела ухоженно.

Они были знакомы всего день, но девушка уже пробудила в Индиле чувство странной привязанности. Он полностью доверял ей. За разговорами, взглядами они словно узнали друг друга так, как будто уже были старыми добрыми друзьями. Эльф старался понять – почему она делает всё это? Зачем она перевязала ему рану и осталась с ним? Почему не ушла? И лишь сейчас ему стало ясно – во всем, что сделала Лия, не было никакого расчета. Остаться и помочь ему не было взвешенным решением. Причина в добром сердце, в заботливом простодушии.

«Какая же она хорошая...» – вдруг подумал Индил. Это слово показалось ему безнадежно простым, но шло из глубины сердца. Хорошая.

Индил понимал, что Лия начинает всё больше нравиться ему. А где-то в глубине билась отчаянная, полная страха мысль о том, что из-за него девушка может попасть в беду. Ему было страшно за её жизнь.

Эльф почти уснул, когда в голову закралась смутная мысль: лучше бы она не нашла его – тогда, возможно, осталась бы в безопасности. Но эту мысль тут же сменила другая, более ясная, более уверенная. Он не хотел, чтобы Лия уходила.

Остаток дня прошёл спокойно – без больших птиц, рыжих зайцев и кого-нибудь пострашнее. Всё те же цветы Лилия использовала для промывания раны, следила за костром и выстирала и высушила повязки.

Ближе к вечеру Индилу стало хуже. Он ещё не просыпался, но его кожа стала горячей и покрылась маслянистым потом. Лилия размотала бинты и увидела, что рана совершенно невообразимо воспалилась. Хуже того – она выглядела ненормально даже для воспалённой. Кожа по краям почернела, это было похоже на подпалённую каёмку на недогоревшем кусочке бумаги. Выделялся гной ужасающего цвета – землянисто-болотный, и очень много.

«Всё не могло так сильно измениться, – лихорадочно говорила себе девушка, распахнутыми от ужаса глазами разглядывая всё это. – Ещё с утра она выглядела вполне пристойно». Лилия всё внимание направила на кошмар, который видела перед собой, и не заметила, как Индил очнулся. Она поняла это через минуту после того, как он перестал вздрагивать во сне. Лилия убрала руку, которой до сих пор удерживала его, чтобы осмотреть, закрыла глаза, судорожно вздохнула, и только потом осмелилась посмотреть эльфу в глаза.

Индил, казалось, уже обо всём знал. Выражение его лица

невозможно было разгадать. Понимание, смешанное с сожалением. Казалось, что оно говорит: «Тебе нужно было уходить». Лилия поджала губы и отвернулась. Индил со вздохом откинул голову назад, прикрыв глаза ладонью.

Надо было срочно делать всё, что можно. У девушки дрожали руки, но она быстро принялась за дело: вскипятила ещё воды и после того, как помогла Индилу лечь на здоровый бок, начала осторожно вычищать гной, которого стало очень много. От него шёл какой-то затхлый запах, не такой, как обычно. Не то чтобы Лилия видела много гнойных ран, тем более подобных этой, но всё же была с ними знакома.

У неё ушло много времени, она несколько раз кипятила воду. Наконец, девушка промыла рану сиреневой водой, но даже её запах не сбил жуткого тинного смрада. Пока она работала, Индил молчал, не отнимая ладони от лица, и старался не шевелиться. Когда гноя не осталось, Лилия смогла увидеть рану целиком. Почерневшие края кожи и плоти виднелись везде. Как будто что-то невидимое сжигает рану, стремясь добраться как можно глубже. Кожа вокруг раны сильно покраснела и стала горячей.

Это выглядело просто ужасно. Лилии стало страшно. Девушка с ужасом подумала о том, что от такого эльфа легко может умереть, и ещё больше на неё давила мысль, что виновата в этом она. Перед глазами всё заволочло туманом, и Лилия поняла, что плачет от страха. По щекам текли слёзы, а внутри всё панически сжималось. Девушка, стараясь пода-

вить истерику, вскочила на ноги,хватила из сумки бинты и накрыла ими рану, чтобы она не загрязнилась и не привлекала своим болотным трупным запахом насекомых. Она ещё не закончила, когда Индил остановил её, неожиданно крепко схватив за руку повыше запястья. Лилия дёрнулась от неожиданности и от того, что и так была на пределе, но он не отпустил.

– Тебе надо уходить, сейчас. Слышишь меня?

Лилия посмотрела на него, и что-то кроме страха вдруг всплеснулось в ней. Какая-то упрямая решимость, смешанная с отчаянием. Она вырвала руку и тут же вскочила на ноги и, посмотрев на эльфа со злостью, которая была вызвана внезапно проснувшейся уверенностью, устремила в лес.

Удача, что стояло начало лета. Это гарантировало, что Лилия найдёт то, что ищет. Гречиха – трава с красным стеблем, высотой до полуметра и с маленькими розовыми цветками на верхушках побегов. Она обычно растёт на лугах и полянах, но девушка не была уверена, что в этом лесу есть какое-нибудь подобие таковых. И, тем не менее, света везде было достаточно для этого душистого растения.

Пока Лилия металась среди деревьев, отходя всё дальше от лагеря, эльф со стоном приподнялся, чтобы взглянуть на рану. Он этого ожидал. Так всегда выглядели раны тех, кто возвращался раненым с боя с этими тварями. И все они неизменно умирали через сутки-двое.

Он вернул повязки на место и снова уронил голову на согнутую в локте руку. Индил думал, что не боится смерти. Но одно дело – умереть в сражении, забрав с собой как можно больше тех, кто виновен в гибели друзей. А совсем другое – медленно умирать, разлагаясь заживо, беспомощно валяясь в лесу, предоставив себя заботам девушки.

Мысль о Лии заставила эльфа спрятать лицо в ладонях. Перед глазами стояло её залитое слезами лицо и упрямая решимость, даже злость на него за то, что он в очередной раз пытался отослать её. Индил и сам злился на себя, он чувствовал, что не имел права говорить такое. Но в то же время он знал, что Лии грозит опасность, а его неспособность сделать хоть что-нибудь, чтобы оградить её от этого, просто убивала.

Девушка вернулась через полчаса. Глаза были красными, но она больше не плакала. Не глядя на Индила, она села рядом и начала рвать в руках ярко-зелёные сочные листья. Она нашла небольшие заросли гречихи почти сразу за ручьем и была почти вся мокрая – перебираясь через него, девушка неудачно поскользнулась.

Мелкие, размятые в руках кусочки листьев Лилия накладывала на черневшую мелкими прожилками рану, и тут же, поверх листьев, бинты. Она делала всё быстро и методично, не так, как было сутки назад. Индил смотрел на неё, не решаясь сказать что-нибудь, но всё же желание поговорить с ней было сильнее.

–Лия...

–Если ты...– перебила девушка тихим, резким тоном, не терпящим возражений. – Если ты ещё раз скажешь, что мне нужно уйти, клянусь: я в тебя кину чем-нибудь тяжёлым.

Произнося это, она смотрела эльфу прямо в глаза. Её взгляд был жёстким и напряжённым. Индил и не догадывался, что она умеет так смотреть.

Лилия вернулась к разрыванию гречишных листьев. Молчание длилось от силы полминуты, а потом эльф разразился беззвучным хохотом.

– Кидаться чем-то тяжелым – это жестоко, – сквозь смех

выдавил он.

Лилия покосилась на него, и на лице появилась лёгкая улыбка. Потом она снова посерьёзнала, но в этом выражении теперь не было ни капли жесткости.

– Лежи смирно.

Эльф, конечно же, послушался, перестав смеяться, но продолжал улыбаться.

Всю ночь Лилия сидела около Индила. У него началась лихорадка: он бормотал что-то в бреду, иногда начинал метаться. Девушка иногда будила эльфа, давала ему воды и отвара – это помогало бороться с воспалением, и, хоть оно и было очень необычным и сильным, надежды и старания девушки оправдали себя. Ближе к утру Индил всё чаще приходил в себя или спал гораздо спокойнее. Каждый раз, когда он открывал глаза, то находил возле себя Лилию и улыбался ей неизменно спокойно, благодарно и извиняясь. Девушка спрашивала, что он чувствует. Индил, несмотря на то, что чувствовал он одно и то же, честно из раза в раз отвечал ей.

Может быть, кому-то покажется странным, что подобные ежечасные доклады приносили облегчение. Но даже смертельно больному человеку не так больно, плохо и страшно, если тот, кто рядом, понимает, что с ним происходит, пусть и не может помочь.

А Лилия могла. По крайней мере, старалась. Страх, который она испытала, сослужил хорошую службу, заставив действовать, чтобы избежать его. И её присутствие сыграло в эту ночь особую роль в том, что Индил выжил. Если бы она ушла, если бы он не видел её каждый раз, когда сознание в полной мере возвращалось к нему, он, возможно, не стал бы возвращаться. Собственные мысли унесли бы его разум так

далеко, что потом никакое лечение не спасло бы. Но об этом догадывался только Индил.

Перед рассветом эльф уснул спокойно, и Лилия поняла, что лихорадка отступила на какое-то время. Его белоснежные волосы Лилия еще с вечера завязала в хвост своей чёрной лентой, чтобы они не мешали ему, и эта лента теперь отчётливо выделялась, как бы вплетаясь в белоснежный поток прямых локонов. У эльфа под глазами пролегли тени, а губы, складывавшиеся в улыбку, побледнели.

Лилия проснулась, словно от толчка, когда солнце уже выглянуло из-за горизонта. Она увидела, что Индил тоже очнулся. Девушка уже хотела задать ему свой вопрос, но Индил, глядя ей в глаза, поднёс палец к губам, призывая не только сохранять тишину, но и, видимо, не двигаться. Внутри у девушки всё похолодело. Индил опёрся рукой о землю и приложил к ней ухо. Закрыв глаза, он к чему-то прислушивался. Спустя несколько секунд, которые показались девушке часом, он снова взглянул ей в глаза и тихо, с явным беспокойством сказал:

– Эльфы.

Лилия ожидала чего угодно, но не эльфов, и на секунду обрадовалась. Но глаза Индила заставили её сердце снова сжаться. Присутствие его собратьев недалеко от них должно было, как думала Лилия, наоборот, свести всё беспокойство Индила на нет, и поэтому явный страх в его глазах поразил и испугал её.

– Что не так? – шёпотом спросила Лилия.

– Помнишь, что я тебе говорил об их доброжелательном отношении к людям? – покосившись куда-то в сторону и прислушиваясь, спросил Индил.

Лилия кивнула. Эльф, взглядываясь в чашу, произнес:

– Это не вполне относится к моему отцу.

Как только он сказал это, раздался зов рога. Этот звук не был сравним с каким-либо другим. Чистый и раскатистый, он слышался очень далеко и одновременно совсем рядом, пронёсся сквозь деревья, как ветер, запутывался в траве. Казалось, что этот зов способен настичь где угодно – на самых высоких пиках и на самых больших глубинах озёр и рек. Весь лес внимал ему.

Индил схватился за ствол клёна и, подтянувшись, сел, но это оказалось больно настолько, что он чуть не потерял сознание. Лилия схватила его за плечо, чтобы придержать и остановить. Сама она оглядывалась, как загнанный зверь, ожидая, что из-за деревьев вот-вот кто-нибудь появится. Голос рога не затихал, он по-прежнему был везде.

Девушка убрала руку с плеча Индила и поднялась на ноги. Тут же в паре сантиметров над её головой что-то со свистом пролетело и врезалось в дерево. Лилия отпрянула и ахнула. Стрела.

Но девушка осталась стоять, когда из-за деревьев показались всадники. Их было около тридцати, и слышалось только шумное дыхание и изредка всхрапы животных. Сами же всадники сохраняли абсолютное молчание.

Они разделились, сформировав кольцо из семи лошадей; медленно ходили по кругу, центром которого оказалось дерево. Всадники были вооружены огромными луками, и можно было не сомневаться, что их стрелы легко пригвоздят к дереву любого. Ещё около двадцати эльфов остались за пре-

делами кольца, повернув лошадей головами в его центр и не двигаясь.

Лилия стояла возле дерева, рядом с Индиллом. Он сохранял молчание, пока все всадники не заняли места, а когда стала слышна только лёгкая поступь семерых лошадей, что продолжали двигаться по кругу, Индил громко сказал что-то на эльфийском:

—Отец, что ты делаешь?

Лилия не поняла, к кому из эльфов он обращался, а выяснять это было не слишком уместно, особенно учитывая семь стрел, нацеленных на них. Или на неё, если быть точнее. Она только раз покосилась на эльфа в надежде услышать хоть какое-нибудь объяснение, но он не отрывал глаз от движущихся по кругу лошадей.

Это были очень красивые животные. Все имели стройное телосложение, длинные ноги и шеи. Лошади были одинаковые – серые в яблоках. Гривы светлые и достаточно длинные. У многих в гривы вплетены цветы.

– Рбгон, ты не мог бы остановиться? Мне тут и так не слишком хорошо, а вы действуете на нервы. Ты меня испугать хочешь? Или её, может быть? – сказал Индил, обращаясь к темноволосому эльфу. В его голосе звучал приказ и одновременно дружеская издёвка.

Тот, кого, вероятно, звали Рогоном, развернул лошадь, оказавшись, как и все остальные, лицом Индилу и Лилии. Это заставило остановиться всю семерку. Пару секунд они

оба смотрели друг другу в глаза, потом всадник улыбнулся и сказал:

– Ты ставишь меня в неловкое положение, друг мой. Я не знаю, кому мне подчиняться.

Рогон поднял руку, и все остальные опустили оружие.

– В чем проблема? – тоже повеселев, хоть это и не слишком вязалось с его бледностью и болезненностью, спросил Индил. – Слушай меня, я твой командир.

– А я – твой король.

Серые лошади расступились, и в кругу оказался великолепный конь тёмно-игрневой масти. Он был черный, как смола, а грива и хвост – белоснежные. Как у всадника. И как у Индила.

– Сын мой, если я буду вынужден искать тебя по лесу с вооруженным отрядом после каждой твоей вылазки, то ты станешь не командиром, а главным конюхом, – сурово, но с такой же нотой издёвки, как только что Индил, сказал эльф.

Он изящно спешился, и по его движениям было件нятно, что эльф силен, грациозен и прекрасно ездит верхом. Лилия невольно восхитилась им.

Восхищали её также прекрасные лошади, всадники и довольно эффектное появление всей этой процессии, хотя оно и напугало до полусмерти, в чем ей было стыдно признаться даже себе.

Король тем временем приблизился, взял сына за плечи и обеспокоенно смотрел сначала в его лицо, очень изменивше-

еся с их последней встречи, а потом и на повязку, охватывающую всё от груди до бёдер. Лилия видела, как сильно вытянулось его лицо и напряглись мышцы, сжимавшие челюсти.

– Вы их нашли... – не спросил, а будто подытожил эльф, глядя в глаза Индилу.

Тот кивнул.

– Где остальные?

Они в полном молчании смотрели друг на друга. Эльф не убирал руки с его плеч. Остальные не двигались и хранили молчание.

Прочитав ответ в глазах сына, король тяжело вздохнул. Он опустил голову и дотронулся рукой до того места, где под повязками была рана. Ладонь дрогнула.

– Они тебя ранили?

– Позапрошлой ночью, – ответил Индил. – Я убил его. Всего их было восемь.

Его слова стали ударом для отца. Тот зажмурил глаза, ещё сильнее сжал челюсти, уронив голову на грудь. Его обеспокоенность почти ощутимо переросла в обречённость. Индил сжал предплечье руки, которой отец дотрагивался до повязок. Он с жалостью смотрел на него.

– Отец...

Лилии показалось, что все разом испытали одинаковое чувство. Страх.

– Четырнадцать эльфов. Восемь тварей. Это слишком большая цена.

Эльф поднялся на ноги и, обращаясь к Индилу, сказал:

– Нам нужно добраться до Солнечной крепости. У нас есть для тебя лошадь.

– Он не может ехать верхом.

Это сказала Лилия. Всё время она молча стояла на том месте, на котором её застала стрела, и наблюдала. Ей было страшно, но она не могла промолчать

Король медленно поднял голову и повернулся к ней, взглядом – снова – пригвоздив к месту. Индил был очень похож на него. Те же волосы и ледяные глаза, те же черты лица и сложение. Но его отец заметно отличался от него одной деталью. В его глазах совсем не было тепла.

«Это не относится к моему отцу», – раздался в голове у девушки голос Индила. Ей показалось, что она услышала это только сейчас, по крайней мере, смысл дошел до неё под взглядом короля. Эльф, который устремил на неё ледяной, полный недоверия взгляд, не благосклонен к людям. Лилия пожалела, что не выяснила, насколько.

– Кто ты?

Этот короткий вопрос прозвучал, словно пощечина. Лилия не ожидала такой резкости. Индил был единственным эльфом, с которым ей довелось говорить, и его тон всегда был мягок.

Девушка покосилась на Индила, который опёрся рукой о землю и смотрел на отца с явным напряжением. Он встретился с Лилией глазами и едва заметно кивнул. Сама же Ли-

лия решила, что отвечать нужно по возможности быстро и только то, о чем спрашивают.

– Меня зовут Лилия.

– Откуда?

– С юго-западной границы.

– Что ты делала?

– Я... шла, – запнулась Лилия, будучи уверенной, что вопрос она не поняла.

– Что ты делала? —повторил эльф.

Лилия растерялась. Она не могла понять, что он хочет от неё. А его пристальный взгляд и жёсткий тон пугали.

– Что. Ты. Делала? —повторил он, разделяя слова паузами, будто говорил с дурочкой. Лилия ждала раздражения в его голосе, но его не было.

– Лия...

– Молчи. Я хочу услышать её ответ, – резко оборвал отец сына, который хотел вмешаться.

– Я не понимаю, о чём вы спрашиваете, – глядя прямо в глаза эльфу, произнесла Лилия немного дрожащим голосом, но громко.

Холодные глаза встретились с карими, и казалось, что эльф пытается заглянуть ей в душу. Он сделал два шага и оказался прямо перед Лилией.

– Я хочу знать, что ты делала здесь, рядом с моим сыном.

– Я... хотела помочь... – тихо ответила Лилия.

Она чувствовала, как за их разговором следят все эльфы,

которые остались на лошадях, и Индил, уставившись в спину отцу. Когда она ответила, в воздухе повисло почти осязаемое напряжение...

– Помочь? Ты? – с презрением бросил эльф.

– Отец!

Не обращая внимания на оклик Индила, эльф, как рассерженный зверь в клетке, сделал круг, не глядя на неё, а потом вдруг развернулся, больно схватил её под подбородок.

– Да что ты можешь?! – прошипел он, сжав зубы. – Глупая девчонка, даже понятия не имеешь, с чем столкнулась!

Вот сейчас Лилия испугалась окончательно. Эльф шипел ей в лицо, заставляя отходить назад, к лошадям, которые всё ещё стояли на месте. Она подняла руку, желая защититься, но он перехватил и сдавил так сильно, что девушка ахнула. Все это время эльф гипнотизировал её, как удав – кролика, заставляя смотреть себе в глаза.

– Отец, прекрати! Отпусти её!

Это прозвучало как приказ. В голосе Индила неожиданно обнаружился ледяной стержень, доказывающий, что он сын своего отца. Услышав его, эльф, похоже, испытал секундное замешательство, и этого хватило, чтобы Лилия вырвалась из его хватки.

– Индил! – воскликнула она.

Он уже стоял, опершись одной рукой о дерево, другую прижав к ране под повязкой. Лицо исказилось от боли, но Индил упрямо, с вызовом смотрел на отца и не отвёл глаз,

даже когда Лия подлетела к нему, чтобы поддержать.

Индил немного расслабился, когда Лия оказалась рядом с ним. Он почувствовал, как девушка обняла его за талию и её рука легла на его ладонь. Эльф думал, сколько он ещё сможет выстоять – пульсирующая боль в боку и груди отдавалась во всем теле, застилая глаза мутной пеленой. Но Индил знал – сейчас нужно во что бы то ни стало убедиться, что отец, находясь в смятении, не потеряет здравого смысла.

Хозяина игреневого коня, отца Индила, звали Имирин. Он был королём лесного братства эльфов, лордом Солнечной крепости. И нрав у него крутой, особенно это было ясно, когда дело касалось опасности для его народа. И в большей степени – для его сына.

Сейчас вид короля был ужасен. Имирин сжимал кулаки, и ярость пылала в его глазах, искажая лицо. Он не двигался с места, как и все остальные эльфы вокруг них. Мысли его метались, Имирин вперил взгляд в Лилию. Индил знал его... особенности, и такие перемены в настроении короля редко заканчивались безрезультатно. Это и пугало.

Неожиданно произошло то, что заставило Индила сжать пальцы девушки. Лицо Имирина вытянулось, ярость в глазах исчезла... Король, не опуская взгляда, медленно приближался к ним. Лилия судорожно вздохнула, а эльф остановился в метре от нее. Он изучал её лицо. Глаза его метались, то раскрываясь, то изучающе прищуривались. Имирин протянул руку к Лилии. Индил попытался загородить её, но Имирин

схватил девушку за плечо, второй рукой рванул ленту, которой девушка завязала волосы в хвост. Русые волны рассыпались по плечам. Всё произошло так быстро, что ни Лилия, ни Индил не успели как-либо среагировать, но Имирин тут же отступил на шаг.

– Лилия... – прошептал он одними губами, – так тебя зовут?

Девушка коротко кивнула, не отрывая глаз от короля.

– Лилия... так называли маленькую девочку... – король говорил так тихо, что его не слышал никто, кроме них двоих.

– Отец? – позвал его Индил, шокированный очередной переменной. Он посмотрел на Лию, но та так же ошеломлённо смотрела на короля.

Имирин выглядел так, будто его только что ударили по лицу. Удивление и какая-то печаль сменили прежнюю ярость. Как улыбка Индила менялась каждый раз, так и глаза его отца принимали разные выражения. Король, казалось, что-то вспомнил. Что-то важное.

– Отец?

Имирин взглянул на сына. Через несколько секунд его смятение исчезло, будто ничего не было. Глаза приняли свое первоначальное выражение. Холодное.

– Так ты не можешь ехать верхом? – спросил король.

Индил покачал головой. Имирин задумчиво кивнул, обвёл взглядом сына, снова взглянул на Лилию и, развернувшись и направившись к коню, приказал:

– Приготовить носилки. У вас полчаса, и мы отправимся в крепость.

Имирин с лёгкостью забрался в седло и добавил прежним приказным тоном:

– Девушка едет с нами.

Игрневый конь с всадником вышел из круга и направился прочь.

Все остались на местах, несколько озадаченно глядя вслед королю. Индил почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Странное поведение отца и опасения за Лию держали его в напряжении всё это время, и только сейчас он понял, сколько сил это потребовало. Лилия придержала его второй рукой, и очень вовремя рядом оказался рыжеволосый эльф, подхвативший Индила с другой стороны. Вдвоём они помогли ему опуститься на землю под деревом.

–Твой отец превзошёл самого себя, – с искренним удивлением выдал эльф, чем вызвал лёгкий смех Индила.

У рыжеволосого эльфа были большие глаза, цветом напоминающие зеленоватый сумрак кленовой рощи, в которой они находились. Открытое лицо, казалось, всегда улыбалось, даже если он был серьёзен. Этому способствовал ещё и небольшой, задорно вздернутый нос, а также веснушки, усыпавшие его переносицу. Курносый эльф располагал к себе и был, казалось, ещё совсем юн по сравнению с остальными.

Он посмотрел на девушку и, по-дружески улыбнувшись, представился:

– Я Марли. Приятно познакомиться, Лилия.

Он приложил левую руку к груди и легко наклонил голову, улыбнувшись ещё шире. Лилия постаралась ответить ему таким же жестом, чем вызвала его радость и, хотя ей казалось, что это невозможно, ещё более широкую улыбку.

– Я тоже очень рада, – улыбнулась она ему.

Лилия взглянула на Индила.

– Король сказал, что мы отправимся через полчаса? – спросила она, украдкой изучая его лицо, которое побледнело настолько, что голубые глаза казались ярче.

Эльф кивнул.

– Тебе нужно сменить повязку. Я успею, – сказала Лилия и, поискав глазами сумку, обратилась к Марли, который выжидающе смотрел на неё. – Сколько идти до?..

– Солнечной крепости, – с задорной готовностью подсказал эльф, – нам идти два дня.

Лилия нашла наконец сумку и вернулась к Индилу и Марли.

– Вы устраиваете лагерь на ночь?

– Нет, – покачал головой Марли. – В лесу легко передвигаться, тем более на лошадях. Мы можем сделать остановку, чтобы напоить и накормить их.

Марли покосился на Индила и с сомнением добавил:

– Правда, король может решить, что нам не стоит мешкать...

Лилия поняла, что он имеет в виду, и озадаченно задума-

лась, разматывая бинты.

– Что-то не так? – спросил Индил. Он не позволил себя уложить и теперь сидел, прислонившись спиной к дереву.

Лилия встретилась с ним взглядом.

– Мне нужно будет снова промывать рану вечером. Придётся останавливаться...

Оба эльфа промолчали. Лилия сняла бинты до конца, и глаза Марли широко распахнулись. Рана не выглядела хуже, чем была вечером, и девушка вздохнула с некоторым облегчением. Но она по-прежнему была ужасна – чёрные прожилки пронизывали её, и снова начал выделяться тёмно-зеленый гной. Хотя гречишные листья работали – большую часть они вытянули на себя, и плоть в нескольких местах была чистой.

Марли вцепился Лилии в плечо. Оглянувшись, девушка увидела, как он смотрит на рану, которую открыла сброшенная повязка. Лилия удивилась: ей казалось, что уж эльфы, целители, бессмертные создания, привыкли к виду ран, насколько это возможно.

– Все хорошо, – соврала Лия, накрыв ладонью сцепившиеся на её плече руки ошеломлённого эльфа.

Она покосилась на Индила. Тот смотрел на Марли, видимо, сожалея, что он так напуган и расстроен из-за него.

– Марли, – мягко обратилась к эльфу Лилия; тот сразу с вниманием поглядел на неё. – Можешь помочь? Нужно принести воды, тут недалеко ручей.

– Конечно! – с готовностью вскочил эльф и, схватив коте-

лок, рысью направился за водой. Он, кажется, хорошо ориентировался здесь, сразу выбрал правильное направление.

Лилия проследила за ним взглядом, пока рыжие волосы не затерялись среди лошадей и эльфов. Девушка взглянула на Индила.

– Марли – мой оруженосец и воспитанник, скажем так, – сказал Индил, прочитав в её глазах немой вопрос. – Он очень способный, хочет всему учиться. Только робкий и стеснительный.

Лилия почти закончила с новыми повязками. Индил заметил возвращающегося Марли ещё издалека. Девушка проследила за его взглядом, и он сказал:

– Он уже давно не видел своих родных. Я для него как старший брат, и Марли любит меня.

Индил ещё немного понаблюдал за рыжеволосым эльфом, который возвращался всё той же рысью.

– Он и от тебя, кажется, уже в восторге, – улыбаясь почти так же широко, как Марли, добавил он.

Лилия подняла глаза и встретилась взглядом с Индилом. Они оба весело рассмеялись и продолжали хохотать, когда подошел Марли. Тот сначала переводил свои большие и удивлённые глаза с Лилии на Индила, отчего они расхохотались ещё больше. В конце концов, Марли тоже засмеялся.

– Я рад, что ты чувствуешь себя лучше, чем выглядишь, – выдал он, искренне радуясь.

Услышав это, Индил с Лилией снова разразились смехом.

Лилия даже не смогла с первого раза закрепить повязку, и пришлось сначала успокаиваться и придержать концы бинта. Марли, подумав, понял смысл своей фразы и покраснел.

– Простите, я только хотел сказать...

– Я понял тебя, Марли, не волнуйся так, – прервал его Индил. – Ты хорошо всё сказал, хотя я, право, не знаю, насколько плохо выгляжу.

Лилия с улыбкой покачала головой

В отряде короля было двадцать восемь эльфов, не считая его самого, и пятнадцать лошадей, которые предназначались отряду Индила. Он настаивал, чтобы Лилия ехала верхом на одной из них, но она отказалась: ей нужно было идти с ним, и, к тому же, она не слишком хорошо умела обращаться с лошадьми. Поэтому она шла рядом с носилками, которые несли Марли и ещё один эльф по имени Эльдалин. Все вместе они шли за королём и пятью всадниками, составляющими его личную гвардию, как объяснил Марли. Остальные всадники окружали их по бокам и сзади.

Лилия изучала находящихся вокруг эльфов. Почти все были одеты так же, как Индил, в брюки, рубашки и зелёные куртки, только у многих под ними всё-таки обнаруживались легкие кольчуги. На ногах кожаные ботинки. Волосы были прямые, разных цветов – чёрные, тёмно-коричневые, соломенных оттенков. Рыжим был только Марли, да еще Индил и Имирин имели белоснежные волосы. Эльфы носили косы, которые покачивались у них между лопатками. Все в отряде были прекрасны собой.

Девушка очень удивилась, обнаружив, что на лошадях эльфы едут без седел. На спине каждого животного – мягкий гобелен, закреплённый парой тонких ремней. Повод эльфы брали его в руки только для того, чтобы на стоянках свести

всех лошадей в одно место. Во время езды они придерживались за шеи животных, а те слушались гблоса и прикосновения.

Ещё одним открытием был тот факт, что эльфы не говорили на эльфийских наречиях. Даже между собой они общались на человеческом языке, хотя пользовались им с явно бóльшим изяществом, чем люди. Конечно, это было радостно для Лилии – она могла свободно общаться с эльфами, не испытывая проблем в изъяснении. Но девушка недоумевала и даже расстраивалась, что прекрасный язык не используется ими, как прежде. Ведь он был их достоянием, и отец часто рассказывал, сколько тайн хранят в себе эльфийские наречия. Лилия отважилась задать вопрос Марли, не чувствуя себя еще в праве говорить с другими.

– Мы больше... не говорим на языке эльфов, – с извиняющейся улыбкой отвечал он, с сомнением глядя на сородичей. Лилия не стала дальше спрашивать его.

Большая часть пути прошла в молчании. Индила к вечеру замучила лихорадка, рана болела и гноилась. Но заражение не шло дальше.

Вечером король приказал остановиться. Весь отряд спешился, остановившись возле небольшой заводи. Лилия размышляла, не тот ли ручей, который она назвала Заячьим, образует здесь запруду.

Марли и Эльдалин опустили Индила на траву чуть в отдалении от воды. Лилия положила сумку рядом и начала при-

готовления. По дороге она поила Индила отварами трав, чтобы облегчить лихорадку и остановить воспаление, и ей необходимо было приготовить новые для следующего перехода. Это не говоря уж о том, что рану следовало снова прочистить и перевязать. Её черные прожилки и болотный запах беспокоили Лилию – она не понимала, что могло вызвать такой губительный эффект.

Эльдалин предложил свою помощь, но девушка с благодарностью отказалась – она могла полностью довериться Марли, который, по всей видимости, действительно любил Индила. Лилия наблюдала за ним, за его обеспокоенным взглядом и тем, как он старается не причинять Индилу боли, аккуратно обращаясь с носилками. Ей не хотелось отлучать его. Тем более, присутствие других эльфов заставляло её нервничать. Их превосходство было достаточно явным.

Марли занялся костром, пока Лилия принесла воду и отобрала нужные травы. Её восхитила легкость, с которой он раздул огонь из пары искр, высеченных кремнем. Девушка сказала ему об этом, и эльф смутился, так что веснушки на переносице стали ярче. Потом он счастливо заулыбался.

Вид раны уже не вызвал у Марли такой убийственной реакции, но он всё же заметно сник, когда Лилия осматривала изуродованный бок Индила.

– Лилия... – тихо позвал Марли.

Она обернулась к нему, подумав, будто он хочет что-то сказать, но поняла, что эльф лишь хотел обратить её внима-

ние на приближение короля.

Лилия с Марли поднялись; по примеру эльфа девушка склонила голову. Имирин приблизился и поклонился в ответ.

– Оставь нас на минуту, Марли.

Тот быстро кивнул и, уходя, бросил через плечо красноречивый взгляд; Лилия видела, что он неотрывно наблюдал за ними всё время. Девушка была благодарна ему, поскольку боялась, что король всё ещё неблагосклонен.

Имирин, глядя в сторону, дождался, когда Марли удалился. После подошёл к Индилу и опустился на колени рядом с ним. Девушка заметила очередную перемену в короле. От прежней уверенности не осталось и следа, зато ясно видно было смятение и печаль. Имирин осмотрел рану сына; Индил спал и не видел отца.

Лилия обошла носилки и села напротив короля. Тот направил взгляд в землю и молчал. Девушка тоже молчала и ждала. Прошло несколько минут. Наконец король вздохнул и выпрямился.

– Ты Лилия.

– Да.

Имирин кивнул. Похоже, он долго думал над этим, но девушка никак не могла понять, что это все значит.

– Твой отец лечил людей в деревне, что на юго-западе, так ведь? Ты сказала, что пришла с юго-западной границы.

– Д-да, – запнувшись, ответила Лилия, удивившись его

осведомленности.

– А почему же ты не продолжаешь его дело?

– Я продолжаю!

– Как? Тебе ещё нужно учиться, а ты слишком далеко от него! – резко и громко оборвал эльф. – Где он? Где твой отец?

Ей совершенно ничего не было понятно. У Лилии появилось ощущение, что она попала в чью-то историю, в которой всё неправда, да ещё и играет в ней какую-то роль, которую не знает. И играет плохо. Она не могла объяснить ни поведение короля, ни свое собственное.

Раздражение и куча вопросов вздымались внутри, как языки пламени.

– Его убили вместе с матерью люди, которых он лечил, – глядя в холодные голубые глаза, сказала Лилия, удивившись тому, насколько ожесточился её голос. Девушку злило обвинение короля. Поэтому и в её словах прозвучал упрёк.

Не опуская глаз, Лилия упрямо смотрела в лицо эльфу, ожидая его реакции. И удивилась. Он точно знал её отца. А вот о его смерти – нет.

Голубые глаза вспыхнули ярким светом и погасли. Король сжал зубы, между серебряными бровями пролегла тень. Эльф не отводил глаз, как и Лилия. В них было глубочайшее разочарование. Сожаление.

– В этом вся суть добродетели, – сказал он тихо. – Чем её больше, тем ужаснее будет расплата.

Король взглянул на Индила. Тот тяжело дышал – у него опять был жар. Имирин коснулся его головы, пробормотал что-то, прикрыв глаза, и после притронулся к своей груди. Король поднялся на ноги, Лилия последовала за ним.

– Отец передал тебе книгу? – спросил он.

– Откуда вы?.. – Лилия начинала догадываться.

– Неважно, – перебил Имирин, на этот раз мягче. – У него была книга. Где она теперь?

Лилия помедлила с ответом. Она вспомнила, как Ревека в последний вечер требовала с неё обещание беречь книгу.

– Она у меня. Я нашла её около месяца назад.

В глазах короля читалось явное облегчение.

– Книга написана на эльфийском, – добавила она, украдкой наблюдая за королём.

– Да, – кивнул Имирин. В этот момент Лилия впервые увидела его улыбку, и она оказалась одной из лучших. Улыбка теплоты воспоминания. – Но там был перевод.

– Я читала.

Король подошёл к ней вплотную. Лилия в который раз уже бросила взгляд на Марли, стоявшего неподалеку. Имирин оглядел её, будто искал что-то знакомое в её чертах. Положив руку ей на плечо, он наклонился и тихо, так, что даже девушка с трудом его расслышала, прошептал:

– Тебе понадобится ещё раз изучить книгу... если ты действительно хочешь его вылечить.

Эльф убрал руку. Отойдя на несколько шагов, он обер-

нулся:

– Ты найдёшь то, что ищешь, на страницах, написанных красными чернилами.

– Там яды, – заметила Лилия с сомнением; конечно же, во время своего путешествия она просматривала книгу не один раз. – Почему бы вам не помочь ему? Вы ведь наверняка знаете, как.

Но Имирин уходил прочь, и тогда она, опомнившись, крикнула вслед:

– Мне нужно время!

Эльф уже отошёл достаточно далеко, но повернул голову, чтобы она расслышала его.

– Я буду ждать. Мы отправимся дальше, как только ты будешь готова.

И Имирин ушёл. Лилия смотрела ему вслед и видела уже не вспыльчивого, вздорного и нетерпимого короля эльфов, каким предстал он ей в первые минуты. Лилия не могла точно знать и лишь догадывалась, что именно это было, как и о том, откуда он знает её отца и что такого видел в ней утром. Но девушка поняла – что-то изменилось. Настолько сильно, что страшно было подумать. И невозможно ничего понять. Но уже поздно. Нужно играть роль дальше.

Марли вернулся, и Лилия взялась за работу. Она прочистила рану ещё раз, и поручила эльфу отыскать листья व्यюна или повоя. Правда, притрагиваться к ним отказался, но со всем остальным они быстро справились уже вместе.

Ночь провели вместе возле Индила. Под руководством Лилии Марли процеживал отвары и поил ими раненого. Рыжеволосый эльф всё больше и больше нравился ей, он был, как и говорил Индил, очень способным.

Как бы глупо это ни было, но Марли был не похож на остальных эльфов, за которыми Лилия наблюдала целый день. По крайней мере, так казалось девушке. Остальные воплощали в себе истинно легендарный образ – статные, сильные, изяществом в них было наполнено всё – от стиля верховой езды до манеры говорить. Казалось, в них не было изъяна. Это восхищало и пугало, их превосходство любой человек ощущал бы каждой клеткой своего существа. А Марли был не таким. Он немного наивен и прост, часто улыбался. Вообще его настроение и иногда даже мысли Лилия могла прочесть у него на лице, в то время как лица других были ещё непроницаемы. Этим Марли оказался похож на Индила. Этим походил и на эльфов из рассказов перед сном.

Отец ведь часто рассказывал об эльфах, и Лилия представляла себе их. Сочетание мудрости и остроумия, умение жить по-настоящему, жизнерадостность и открытость души... Все это Лилия увидела в Марли и Индиле. И закрытую холодность – в других. Да, она лишь день провела среди них. Но даже ни намёка... Ничего.

Конечно, пройдёт время... если оно у неё будет, прежде чем что-то откроется ей и в других.

Глава книги, которую несколько часов не выпускала их

рук Лилия, та самая, что написана действительно тёмно-красными чернилами, содержала сведения о всевозможных ядах: их происхождение, способы приготовления и проникновения, действие на человека и (в некоторых случаях) на лошадей и скот. И, конечно, практически ко всем было противоядие.

Лилия поняла, что Имирин имел в виду, когда отсылал её к этой главе. Она не думала раньше, но было очень похоже, что такое необычное воспаление вызвано ядом. Девушке предстояло среди сотни страниц и тысячи описаний найти то, что вызывает такие симптомы. И при свете костра она изучала бисерный почерк отца под витиеватым эльфийским текстом. Марли сидел возле Индила и ухаживал за ним, а также поддерживал костер. Лилию он старался не отвлекать, а она, иногда наблюдая за ним, надеялась расспросить на следующем переходе. Девушка почему-то знала, что это нужно будет сделать. Индила продолжала мучить лихорадка, и он часто погружался в тяжёлый сон.

Наконец Лилия нашла то, что искала. Солнце к этому моменту еще не поднялось, но на востоке облака окрасились в оттенки голубого и розового. Девушка чуть не уснула несколько раз, но находка взбодрила её. И показалась плохой шуткой.

Яд носил название «Морнгван». В книге сказано, что он действует, только если попадёт в открытый порез или рану. Описано то, как он разрушает человека, пока тот не сгнивает

заживо. «Раны чернеют, словно их опалило пламя, и сочатся гноем, который, чем ближе конец, тем более темным становится», – вот что прочитала Лилия Марли. Ничего больше не было – ни слова о других симптомах и происхождении самого яда. Впрочем, и этого было достаточно, чтобы не ошибиться, – Лилия в этом уже убедилась.

Марли подсел к девушке, заглядывая на страницу.

– Серый болотник? – нахмурившись, прочитал он.

– Название так себе, правда? – Лилия разбирала написанное. – У него просто нет эльфийского имени.

Пока Лилия зачитывала всё, что было на странице, она не заметила, как к ним подошел Эльдалин. Ночью он тоже навещал их несколько раз – они расположились немного в отдалении от остальных. Эльдалин – высокий черноволосый эльф с темно-серыми глазами. У него был низкий голос и спокойный нрав. Сначала Лилии не нравился его отчуждённый вид, но, проведя в его компании некоторое время, она нашла его вполне дружелюбным. Хотя, конечно, до Марли ему было далеко.

– Правильно, у этой травы есть название, только на твоём языке, потому что нашёл его человек, – Эльдалин присел напротив Марли. – Что тебе в этом скверном растении?

– Судя по всему, оно мне необходимо, и как можно скорее, – ответила Лилия, оглянувшись на Индила.

Эльдалин оглянулся вместе с ней и кивнул, дав понять, что понял.

– Ты знаешь, как оно выглядит? – спросил он.

Лилия помотала головой.

– Тут есть его краткое описание. А если исходить из названия, то искать придется на болотах.

Эльдалин подумал минуту и поднялся на ноги.

– Да уж, люди так логичны, – эльф язвительно выделил слово «логичны» и соорудил саркастичную гримасу, – я пойду с тобой, а то заблудишься ещё. Искать я тебя ночью точно не стану. Подожди здесь минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.